

Перекрестки судьбы. Время полыни

Автор:

Игорь Соловьев

Перекрестки судьбы. Время полыни

Игорь Анатольевич Соловьев

Апокалипсис-СТПерекрёстки судьбы #2

С момента аварии на ЧАЭС прошло девятнадцать лет, но не все окрест поросло полынью. Здесь по-прежнему творятся загадочные явления, привлекающие бродяг и авантюристов. Порвав со своим прошлым, бывший пограничник Птица отправляется в Зону отчуждения. В это же время группа ученых бьет тревогу: в Зоне обнаружены следы неизвестного эксперимента, грозящего крупными неприятностями. На перекрестках судьбы сходятся разные характеры, объединенные общей целью – выстоять в начинающемся апокалипсисе. Под грохот выстрелов, плеск болотной воды и порывы холодного ветра в свои права вступает осень 2005 года. Наступает время, с которого выжившие стали отсчитывать час второго рождения Зоны.

Игорь Соловьев

Перекрестки судьбы. Время полыни

© Соловьев И., 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Экспертно-криминалистическое отделение ГУ МВД Украины

Справка эксперта Коваленко С. И. № 20212

Представленная на экспертизу биметаллическая гильза от патрона 9×18 мм ПМ имеет на наружном дне цифры 138 и 88, соответствующие номеру завода-изготовителя и году изготовления соответственно.

Проведенным анализом был выявлен ряд характерных признаков: веерообразный след скольжения, расположенный на корпусе гильзы на расстоянии 7 мм от дна, ориентированный на 4 часа по циферблату (данный след образуется от касания гильзы о правую губу магазина при эжекции), а также характерные следы от бойка ударника и отражателя, соответствующих определенной модели оружия (ПМ). Что в совокупности позволяет сделать заключение: данная гильза отстреляна из пистолета «ПМ» 9 мм.

Пролог

Украина, Зона отчуждения. Октябрь 2005 года.

Под чудовищным ударом дверь прогнулась внутрь, словно по ней приложились массивным тараном. Металл жалобно заскрипел, но выдержал.

Человек, судорожно снаряжавший ружье для промысловой охоты, нервно вздрогнул. Из его трясущихся рук выпали патроны, с дробным стуком раскатившись по полу.

– Марк Витальевич, что же вы такой раззява? – укоризненно прошептал его сосед, крепко сжимавший пожарный топор. – Соберитесь, пожалуйста! Потому что если вы не сможете стрелять, то лучше отдайте ружье кому-нибудь из нас.

– Нет-нет, простите... Я в порядке! – торопливо заверил стрелок. Видимо, мысль о том, что он может лишиться единственного огнестрельного оружия, пугала его не меньше, чем происходящее снаружи.

Дверь вновь загудела под ударами. Казалось, нападавшие целиком сосредоточились на ней. И, может быть, не мешай они друг другу, перед их первобытной, всепоглощающей звериной яростью преграда действительно бы не устояла. Находившиеся в этом помещении люди впервые подумали, что их нынешний дом не только тюрьма, но и крепость.

Послышался хруст гравия, брякнуло металлическое ведро, зашуршали кусты дикой малины. На короткий миг наступила тишина.

– Тссс! Слышите? – подала знак девушка. Мужчины замерли. Шаги за стеной стихли.

С веток вишни, впритык растущей к дому, посыпалась сухая листва. Через мгновение у окна раздался тихий скребущий звук.

Третий, самый молодой из мужчин, взял наперевес тяжелый огнетушитель и, осторожно вытянув шею, попытался рассмотреть через стекло происходившее на улице.

Повисла тревожная пауза. Громко щелкнул примкнутый к оружию магазин. Время, словно тягучий кисель, застыло, сжалось в булавочную головку. А потом вдруг оглушительно взорвалось событиями.

Очередной тяжелый удар вышиб входную дверь. Одновременно с этим затрещала оконная рама, на пол брызнуло разбитое стекло.

Громко завизжала девушка, грохнул выстрел. В оконном проеме среди осколков стекла застряла туша омерзительного существа. Монстр скалил усыпанную крупными острыми зубами пасть; бешено работая локтями, он пытался протиснуться внутрь. На его голову, словно тяжелый кузнечный молот, раз за разом падал баллон огнетушителя. Частички отлетавшей с металла, будто шелуха, краски обильно перемешивались с брызгами черной крови.

На пороге с дыркой в груди лежал еще один зверь: стрелок послал пулю точно в сердце твари.

Рукоятка затвора еще только скользнула назад, выталкивая пустую гильзу, а к мужчине уже мчался третий нападавший. Кошмарное существо с разбегу оттолкнулось от пола и взвилось в прыжке. Невероятно крупные серповидные когти на узловатых пальцах метили точно в человеческое горло. Затвор уже накатывал вперед, толкая новый патрон в патронник, но стрелок обреченно понял, что не успевает...

Глава 1

За несколько месяцев до событий пролога. Россия. Май 2005 года.

– Салам, бача!

От неожиданности Сергей вздрогнул и обернулся. У незнакомца, мужчины лет пятидесяти, были внимательные, чуть прищуренные глаза. Лицо обветрено, как у тех, кто проводит много времени на открытом воздухе. Выцветший тельник под вытянутым свитером, коротко обрезанные кирзовые сапоги.

– Ну, салам... шурави, – помедлив, ответил Сергей.

«Бача», «шурави» – слова из далекого Афганистана, принесенные вернувшимися воинами-интернационалистами. С их песнями, «третьим тостом» и болью. По-настоящему большой болью после Великой Отечественной войны.

– Ого, слова наши знаешь! За «речкой» был? Или так, наслышан? – недоверчиво спросил мужчина, оценивая Серегин возраст. Незнакомец вынул из кармана початую пачку «Беломора» и щелчком ногтя выбил папиросу.

– Группа российских войск в Республике Таджикистан. Погранец я, с таджикско-афганской, – ответил Сергей. Незнакомец покатал в пальцах папиросную гильзу, разминая плотно набитый табак. Потом, резко и сильно продув бумажный мундштук, замял его зубами. Кивнув Сергею, прикурил от протянутой спички. И

лишь после этого, ладонью прикрывая тлеющий огонек от ветра, сказал:

– Смотрю, стоишь, а дождик вон как зарядил. Автобус когда теперь будет? А я могу подбросить. – И, опережая вопрос Сергея, добавил: – Насчет денег не переживай, столкнемся!

Они сели в помнивший еще «брежневский застой» оранжевый «москвичонок». Дворники уныло скрипнули, смахивая крупные капли со стекла. Прежде чем тронуться, водитель протянул Сергею широкую ладонь:

– Николай!

Потом Сергей Сокольских с армейским погонялом Птица еще долго вспоминал об этой встрече: как бы оно обернулось, не опоздай он тогда на автобус и не застрянь под дождем на одинокой, продуваемой холодным весенним ветром остановке. Все могло бы сложиться иначе! Впрочем, лучше жалеть о сделанном, чем о том, на что ты так и не решился. И Сергей не жалел. Старался не жалеть.

До города ехали долго. Раскисшие поля, асфальт времен царя Гороха и непрекращающийся дождь располагают к неторопливой беседе. Говорил в основном Николай, вспоминая то неурожай, то бывшую жену. Добрался и до последнего генсека. Вспоминал свою срочную службу в Афганистане, провинции: Кабул, Газни, Мазари-Шариф. Потом о том, что после было. Как «рыжье» мыл на приисках Магадана, пытаюсь скопить на кооперативную квартиру. Как чуть не сгинул там от лихого босяцкого пера. Как все шло не в лад – хоть и жилы рвал, и трудностей не боялся. И как внезапно засветил ему уголовный срок. За спекуляцию. Уже находясь под подпиской о невыезде, продал все, что имел, и, откупившись, ухитрился получить «условно». А через полгода Союз развалился, как необожженный глиняный горшок. Вчерашние спекулянты стали предпринимателями. Началась новая дикая жизнь рыночного капитализма. Но к тому времени он, Николай, фактически бомж, поехал в Чернобыль. Там как раз все начиналось... «А что начиналось? Чернобыль-то в 86-м был», – автоматически подумал Сергей, но вслух ничего не сказал. А Николай продолжал:

– Когда вернулся оттуда, кое-что с собой привез. – Коля-афганец загадочно подмигнул. – В общем, мало-мало, а на домишко хватило, машина опять же. Можно было, конечно, и побольше срубить, да, как говорится, жадность губит фраера. Мне хватает, а больше и не надо.

Так и доехали до города. Заночевали у Николая. Деньги за подвоз он брать с Птицы категорически отказался, еще и в дом пригласил:

– Уважь, браток, один я, поболтать и то не с кем. А так хоть поговорим, выпьем. Тебе ведь все равно, наверное, идти некуда?

Сергей изобразил было удивление, но потом все же кивнул головой. Дела действительно шли хуже некуда. Даже незнакомые люди практически безошибочно определяли его бедственный статус. И, к сожалению, в ближайшей перспективе изменений, хотя бы в виде нормальной работы, не предвиделось. В кармане денег – в обрез: перекусить, на проезд, ну и, может, еще на номер в самой задрипанной гостинице. В надежде заработать он вторую неделю мотался с бумагами-поручениями по незнакомым местам и неприветливым людям.

Все началось с месяц назад. Давно не благоволившая к Сереге удача теперь и вовсе отвернулась от него. Проблемы накапливались на пороге, а потом всем скопом ввалились в его жизнь: долги, внезапно разросшиеся до чудовищных размеров, смерть отца, увольнение из НИИ, где Сергей Сокольских работал электриком. А вот теперь еще и из редакции поперли. Не то чтобы там большие деньги платили, но все же на хлеб хватало. Чтоб как-то выкрутиться, устроился курьером. Среди рутинных заказов «возьми-отвези» иногда попадались поручения с явной примесью криминала. И хотя выбирать не приходилось, тревожный звоночек настойчиво пел: лед, по которому ты идешь, слишком тонок!

Было уже около трех часов ночи. Первую бутылку освоили быстро, а вот вторую пока только ополовинили. Посуровевший Николай решительно смахнул крошки с некогда полированного, а ныне рассохшегося стола.

– Помнишь, я тебе сегодня про Чернобыль рассказывал? Про землю украинскую, многострадальную?

Сергей, почувствовав важность момента, осторожно кивнул. Николай совершенно трезвым голосом сказал:

– В Зону тебе, Сережа, надо!

Глядя на обалдевшего от столь абсурдного заявления собеседника, «шурави» разлил водку по стаканам и добавил:

– Вот о ней я тебе сейчас и расскажу.

* * *

«...Так, не РД-54, но тоже сойдет». Расправив небольшой туристический рюкзак, Сергей стал укладывать вещи. На дно упали солдатские ботинки – берцы. Старые и стоптанные, но тем и лучше. Ведь пока новые разносишь, ноги до кровавых мозолей сотрешь. Дальше. Теплый свитер, спортивный костюм попроще, шерстяные носки (стопа не прееет и не мерзнет). Подумав, Птица добавил портянки, завернув их в мятый пакет. Армейский костюм «горку» в продаже отыскать не удалось. Пришлось ограничиться гражданским аналогом – туристической штормовкой с брюками из плотной палаточной ткани. Снаряжение дополнил дачный гамак миниатюрного размера, в свернутом состоянии помещавшийся в пивную жестяную банку. Широкий кусок клеенки и бухта хорошей альпинистской веревки, которая, вместе с японским биноклем, обошлась ему дороже всего. Менеджер магазина «Экстремальный туризм» сообщил, что, несмотря на небольшую толщину, таким тросом можно буксировать трактор. «Такие нынче технологии», – многозначительно заявил продавец, заметив удивление и недоверчивость покупателя. Последней легла в рюкзак аптечка. Внутри обычного набора медикаментов и бинтов имелись новенький стетоскоп и поло?тна лобзика. Туго набитый рюкзак, в свою очередь, лег в большую спортивную сумку с полустертой надписью «Олимпиада 80». С левого бока сумки грустно улыбался облезлый олимпийский мишка, а с правого краской было накарябано: «Фергана». Сумку Сергей приобрел за бесценок на ближайшей барахолке. Это здесь она бросалась в глаза своей ущербностью, а там, куда он отправлялся, была обычной и непримечательной вещью. В предстоящей поездке чужой интерес ему был совсем не нужен.

В сумку же положил: рыболовную сеть, моток с леской, крючки и колокольчики, поплавки и другую снасть. Потом добавил малую пехотную лопату. Ее матерчатый чехол скрывал остро заточенную миллиметровую сталь. Закинул еще таблетки сухого спирта, фонарь с самодельным светофильтром из куска прозрачного синего пластика. Свет такого фонаря не виден издали, но вполне удобен для личного, ближнего, так сказать, пользования. Уложил, естественно, и нехитрый запас продовольствия: чай, кофе, шоколад, галеты и сушеные овощи, упаковки с крупой: гречневой и геркулесовой. В отдельный карман сунул охотничьи спички, горевшие даже под водой. Распищал соль, сахар и пакет, содержимое которого представляло собой молотый черный перец, густо перемешанный с дешевым табаком.

В глубине вещей Сокольских спрятал нож. Двенадцатисантиметровый клинок толщиной в три миллиметра по длине явно превосходил ширину ладони: неофициальное мерило для отечественной милиции в отношении холодного оружия. Также нож имел упор для пальца, «гарду» и, ко всему прочему, обоюдоострую заточку, что в совокупности подводило владельца под уголовную статью. Оружие не имело ярко выраженного устрашающего вида: ни пилы-стропореза, ни хищного изгиба на конце клинка, – но профессионал сразу бы оценил этот на первый взгляд невзрачный своею простотой инструмент. Сталь, как уверял торговец, была отличной. Таким ножом одинаково удобно резать хлеб, древесину и людей. «А от ментов всегда откупиться можно», – решил Сергей, приобретая «средство последнего шанса».

Сокольских аккуратно уложил кофр с японским биноклем, на всякий случай дополнительно обмотав его полотенцем: «Не разбить бы!» Осталась не менее важная часть. Документы прикрытия: бланки с уже нанесенными печатями и липовые направления со всеми необходимыми реквизитами. Все это Серега позаимствовал на «дембельский аккорд» из родного НИИ. Отдельно легло удостоверение корреспондента, прихваченное в редакции, где Птица когда-то промышлял внештатным спортивным обозревателем.

Когда все вещи были собраны, Сергей взял сумку и прошелся с нею по комнате. Потом придирчиво осмотрел себя в зеркало. Обычный парень двадцати пяти лет, уроженец своего города. Усталый, серьезный взгляд, как у какого-нибудь работяги с оборонного завода. Старенькие кроссовки, синие вылинявшие джинсы с лохматыми нитками, вязаный свитер и спортивная куртка с

капюшоном. Ничего особенного – лицо толпы, одежда масс.

Птица вздохнул, подтянув на поясе ремень, и незаметно ощупал строчку заднего кармана брюк. Там, во вспоротом бритвой шве, лежал ключ от наручников. Обычных типовых ментовских браслетов. Береженого Бог бережет!

Сергей напоследок огляделся. В пустой квартире из мебели осталась только старая рухлядь. Все остальное было вынесено и продано, впрочем, как и сама квартира. На вырученные деньги Сокольских рассчитался с долгами, по которым уже во всю бандитскую мощь тикал кабальный счетчик. Закупил снаряжение и амуницию, а также приобрел билеты на сегодняшний поезд. Птица не собирался больше сюда возвращаться, так как чувствовал, что в его жизни произошел какой-то судьбоносный поворот. Еще не зная, что его ждет там, он уходил отсюда навсегда. В последний раз окинув взглядом квартиру, он закинул сумку за спину и вышел на лестничную клетку. Бросив ключи от входной двери в почтовый ящик, зашагал не оборачиваясь к железнодорожному вокзалу.

* * *

– Вот такая, брат, штука, эта Зона! – Николай устало мямлил папиросу желтыми от табака пальцами. – И колючка есть, и заборы. И солдаты – «вертухай», и уголовный элемент встречается. Да только там все наоборот: в тюрьмах хода нет «оттуда», а в эту нет «туда». А она тянет, родимая, манит и привязывает к себе навсегда. Много там непонятного и оттого страшного, сколько народу сгинуло, не счесть. Но и желающих попасть туда не меньше. Вот и шарахаются вокруг нее разные... Одни, как волки, в одиночку ходят, другие – гиенами в стаи сбиваются. Кто честно промышляет, кто «шакалит», всякие есть. И дураки, и умники, и фанатики, и сектанты. Одни безобидны, а вот другие... Много жутких слухов. Впрочем, чего сам не видал, о том брехать не буду. Поедешь – сам наслушаешься.

Афганец взял две спички, сложил головками одну чуть ниже другой и, чиркнув о коричневый бок коробка, прикурил. И выжидающе посмотрел на Сокольских.

Сергей задумчиво разглядывал водочную этикетку, словно надеясь прочитать на ней какой-то ответ. В этот вечер на парня лавиной обрушились чужие

откровения. И как бы ни бредово звучали слова сидящего перед ним человека, как ни мутит сознание хмель, рассказы Николая вытряхнули и переворошили молодую, но уже покалеченную душу бывшего пограничника.

– А почему я? – наконец спросил Птица.

– А ты, Сережа, фартовый, – ничуть не смутившись, ответил Николай.

– Да уж... – Сокольских с сомнением бросил взгляд на свои заношенные штаны. Да на стоптанные старые кроссовки с двумя разными шнурками.

– Нет, парень, конечно, лично я тебя не знаю, тут твоя правда. Но вот людей в целом – насквозь вижу! И о тебе как о человеке могу многое сказать. Вот ты, верно, сидишь и думаешь, что я случайно заговорил о Зоне-то? Может, я и сам думаю, что случайно. Ан нет! Это Зона тебя через меня к себе зовет. Она моими глазами на мир смотрит, ощупывает каждого встреченного да знак мне подает: мол, этот! Каждый, кто там побывал, в себе Ее печать несет, хочет он того или нет.

Уже рассвело, когда ворвавшийся майский ветер стукнул о стену раскисшей от сырости форточкой, разметав по столу все ночные запахи и папиросный пепел.

– Ну, так что? – нарушив затянувшуюся тишину, спросил Николай. – Поедешь туда или я тебя не убедил?

Сокольских посмотрел на мятую, пустую, как его собственная жизнь, пачку «Беломора». И глухо, будто в пересохший колодец, сказал:

– Да хоть завтра.

Афганец кивнул и вдруг, словно спохватившись о чем-то, загремел ящиками старого, с облупившимся лаком, серванта. Прошло несколько долгих минут, прежде чем он обнаружил искомое.

– Вот! Держи, на удачу! – В ладонь Сергея перекочевала небольшая серебристая пластинка на шнурке. На пластинке были изображены падающая с неба звезда и трубящий ангел. В целом предмет можно было бы принять за церковную

ладанку, если бы не одна странная деталь. Из ангельской трубы вместо символических звуков и нот вырывалась длинная цифровая последовательность нулей и единиц.

- Что это? - Птица с любопытством рассматривал необычный предмет.

- Если честно, я и сам толком не знаю. Амулет, не амулет, что-то такое. В общем, с дыханием Зоны вещица. Мне она фарт принесла, живым вернулся. Так что бери, не думай.

- Да? - С сомнением подбросил пластину в ладони Сергей. - А как она вообще к тебе попала?

- Досталась от одного хорошего человека. Вот ему-то потом удачи не хватило. Может быть, потому что он мне эту штуку отдал? Кто ж теперь подскажет? Вижу, спросить хочешь, почему тебе ее отдаю?

- А действительно, почему? - Сокольских попробовал на прочность узелок шнурка. Тот держался крепко.

- Не отсюда она, вещица эта. И обратно в Зону хочет вернуться. Будешь смеяться, но прямо места себе не нахожу. Аура, что ли, от нее тревожная? Не плохая, нет. Просто чувствую, что там она нужнее. А раз вам по пути, отчего бы тебе ее не взять? Говорю же, удачу приносит!

В Зону Сергей поехал только через три месяца. В течение лета он ругал себя за торопливо принятое решение, но жизнь словно сама подталкивала его к той пропасти, что глубиной уходила в чернобыльские события далекого 86-го года. Дела шли все хуже, надежды на лучшее поочередно лопались, как стальные тросы во время ревущего шторма. И осенью, в ее золотую ласковую пору, Сокольских принял решение отдаться в руки судьбы. Спорить с нею он уже не мог, да и просто по-человечески устал.

* * *

Сентябрь 2005 года.

Границу Украины Сокольских пересек без особых проблем. Поезд уныло тащил вагоны, набитые пассажирами, как спелый арбуз – семечками. Проводники разносили постельное белье и мутный чай, «челноки» таскали набитые сумки, хлопала тамбурная дверь. Личность Сокольских не заинтересовала ни хмурых пограничников, ни уголовный элемент, если таковой, конечно, имелся.

Всю дорогу за окном шел дождь. Изредка появляющееся солнце робко пыталось разогнать низкие облака, но они бесконечной угрюмой стеной плыли с запада на восток. На замызганных перронах лежали первые увядшие листья, лужи не спешили подсыхать. Осень уверенно сменяла летние дни и напоминала о себе все чаще.

Сергей прислушался. Где-то в глубине вагона тренькала гитара. Потом раздался сухой кашель, рядом заплакал ребенок, послышался голос матери, ласково успокаивающей свое дитя. Спустя пару минут Птица услышал песню – незнакомую, но слова были о Чернобыле, и Сергей напрягся, вслушиваясь в голос поющего.

Не «бубонная зараза», и не СПИД, и не чума,

Но уводит эшелоны из Чернобыля страна,

Провожают семафоры тех, кто жив, в последний путь,

Кто еще пока не умер, тот умрет когда-нибудь...

Здесь и запахи другие, и другие небеса,

И с лица природы каплет зараженная слеза.

Треск дозиметра, как эхо погребального костра,

За ошибки человека платит мертвая земля.

Жизнь лампадой тихо тлеет, слышишь? – ангел твой поет!

Жертвы «атома» уходят все быстрее из года в год,

И бетон беду не спрячет, и «колючкой» не запрет,

Воском свечка в церкви плачет – отпевание идет.

Нет урока для державы лучше, чем мильон смертей,

Оглянитесь, право-слово, посмотрите на детей.

Тех, чьи семьи потеряли и кормильца, и отца,

Тех, чье сердце оказалось не из стали и свинца...

Радиации пылинки – костей напильники,

Черно-белые картинки, могильники...

Птица дослушал, а потом, свесившись с койки в проход, попытался разглядеть лицо музыканта. Тот сидел где-то в середине вагона, и из-за соседних полок можно было увидеть только рукав старой камуфлированной куртки. Пальцы, поддерживающие гриф, ловко зажимали струны на ладах, но голоса было уже не разобрать. Певец что-то тихо говорил, тюкали эмалированные кружки, да не умолкая плакал ребенок.

В нужный час Сергей собрался и, протолкавшись сквозь узкий «штрек» вагона, вышел к дверям тамбура. Там, в ожидании станции, уже столпился народ. Преобладали в основном пенсионеры: с рюкзаками, тележками и разнообразным садовым инструментом.

Прямо перед Птицей расположился пожилой мужчина, одетый в серый пиджак, брюки и осенние ботинки на толстой подошве. Он держал дерматиновую «овощную» сумку и почему-то строгий черный дипломат, казавшийся на ее фоне довольно нелепым. Пальцами свободной руки мужчина отстукивал замысловатую дробь по рифленой стенке дверного проема. Судя по аккуратно выбритому канту затылка и удивительно прямой спине – бывший военный.

– Извините, – обратился к нему Сергей, – не подскажите, до пансионата автобус во сколько отходит?

Одна из стоявших позади женщин немедленно ответила:

– Да после обеда, не раньше.

Военный, не оборачиваясь, поправил:

– По расписанию в четырнадцать ноль-ноль, – и тут же добавил: – Но на деле, как дачники набьются, так и отправится.

Слово «дачники» он умудрился взять в незримые кавычки, вложив в него какой-то снисходительный, насмешливый оттенок. Несколько человек из «дачников» неприязненно зыркнули на говорившего.

Наконец поезд замедлился, а вскоре и вовсе остановился. Проводница лязгнула открываемой дверью, и народ, как десант из «вертушки», посыпался на платформу. Сергей вышел в город, сориентировался по толпе и направился к автобусу.

Спустя двадцать минут старенький автобус, глухо «пердя» и чихая, повез Птицу прочь от железнодорожной станции. К той самой цели, ради которой парень и предпринял свое рискованное путешествие.

Глава 2

В принципе, Сокольских знал, как попасть к пансионату. Николай подробно объяснил ему, как работает канал по доставке новичков в сталкерский лагерь. Но для этого, прибыв в Украину, надо было связаться с людьми, на которых ему указал Коля-афганец. Но светиться перед ними сейчас категорически не хотелось.

К этому моменту Серега уже разработал свой собственный план. Он заключался в том, чтобы самостоятельно проникнуть в Зону и осмотреться на месте. И после этого уже решить – «да» или «нет». Были еще и кое-какие, не оформившиеся пока, подозрения относительно всего, что происходило вокруг Зоны. Так что рискнуть стоило.

И таким образом, Сергей оказался у начального кольца препятствий. Первый периметр ограничивал въезд в фильтрационную зону. Попасть в нее можно было только по спецпропускам различных категорий: самая простая – для местных жителей, посложнее – сотрудники различных организаций, ну и совсем уж недоступная для Сокольских – для военных и работающих с ними.

Понаблюдав с полчаса за процессом перехода «границы», Сергей отметил одну особенность: пропуска выписывались в здании с маленьким окошком, по типу билетного киоска, и, судя по тому, как долго каждый ожидал заветную бумажку, лишь после тщательной проверки документов.

Серегина «липа» из НИИ, якобы направившего его за образцами чернобыльской флоры и фауны, здесь бы не прокатила. Удостоверение сотрудника прессы только привлекло бы внимание. Все сопроводительные документы ни на что не годились, потому что были полнейшей фикцией. Тем более что официальных формулировок, регламентирующих подобную поездку, Птица просто не знал. Получалось, что такую ерунду можно было бы показывать только егерю, застукавшему его за разведением кострищ в лесу. Здесь же требовалось выдумать нечто иное.

В то же время людей, получивших пропуск, на КПП из белого кирпича проверяли, что называется, «сквозь пальцы». Порой даже не сверяли фамилию в паспорте с выписанным пропуском. Солдаты, по виду «срочники», откровенно скучали, разглядывая очередного «клиента» больше от безделья, нежели из профессионального интереса.

Пару раз к КПП подъезжал армейский «Урал». Тогда из дежурки выходил прапорщик, проверял документы и, давая водителю расписаться в каком-то журнале, без лишних вопросов пропускал автотранспорт. Из-под тента кузова были видны бойцы с автоматами. Так что мысль о том, чтобы на подъеме транспорта в гору заскочить в кузов замедлившегося грузовика, отпадала начисто.

Народ, прошедший проверку, толпился по ту сторону забора, в пятидесяти метрах от КПП. Когда желающих попасть в Зону набиралось человек десять, с асфальтового пятака выруливал УАЗ-«буханка», развозивший пассажиров по конечным пунктам их маршрута.

Поразмыслив, Сергей вернулся на автобусную остановку. Водитель был еще тут. Попеременно орудуя то вилкой, то карандашом, шофер разгадывал кроссворд в газете и одновременно ел что-то жирное и мясное из большой стеклянной банки.

Отряхнув с подошв прилипшую мокрую листву и сбив грязь о торчавшую из земли арматуру, Сокольских подошел поближе.

– Приятного аппетита!

Водитель, не поднимая головы и не прекращая пережевывать пищу, равнодушно кивнул.

– В город скоро тронешься? – повторил попытку завязать разговор Птица.

Шофер, не отрываясь от газеты, показал три пальца, а потом импровизированный нолик.

Сергей подошел поближе и склонился над кроссвордом.

– «Мифический город Платона, девять букв», – вслух прочитал он, проследив за пальцем водителя. – Так это же Атлантида!

Мужчина оторвал взгляд от газеты, все так же безразлично посмотрел на Сергея и, подцепив из банки кусок мяса, стал разгадывать следующее слово.

– Тут такое дело... – снова начал Птица.

Водитель выплюнул попавшийся на зубы хрящ.

– ...Мне в город срочно надо! – Сокольских положил перед шофером денежную купюру. – Если прямо сейчас поедem, я тебе новый сборник шарад куплю. Или даже два. – Он добавил еще одну бумажку.

Водитель вытер руки о спортивные штаны, покрутил в руках деньги. И уже вполне заинтересованно спросил:

– Торопишься?

– Да. Жена рожает, – ляпнул Птица. – Так что, едем?

Шофер попинал скат, посмотрел на часы. Потом бросил делано-сердитое: «Залезай!» – и сел за руль. Сергей резво забрался в кабину с пассажирской стороны, хлопнул дверью, и автобус покатило обратно к городу.

– А что народу так мало едет? – спросил Сокольских, наблюдая за поглощаемой сельским автотружеником КАВЗ льющейся под колеса разметкой асфальта. Стрелка спидометра дремала на пятидесяти, но иногда просыпалась и на особо ровных участках разбитого шоссе дотягивалась до семидесяти.

– Так ведь четверг сегодня, в будни всегда так. Вот послезавтра, в субботу, попрут, как красные на Перекоп. Это уж будь спокоен.

Водитель ловко объехал глубокую выбоину на дороге. От лихого маневра лишь тренькнули китайские колокольчики, висевшие на зеркале заднего вида.

– Н-да, – протянул Птица, медленно подводя разговор к интересующему его вопросу. – И очередь у КПП небось с утра выстроится?

– А то как же? Ребята с парка по две машины за раз гоняют. – Видимо, водитель имел в виду тот автотранспорт, что развозил прошедших контроль.

– И не лень же людям в очереди стоять? – притворно удивился Сергей. – Если так уж надо, вжик через забор, и все.

– Да хрен там! – заспорил водитель. – Ты что, не видел? Там же колючка в три ряда, вся под током.

– Так уж и под током? – якобы не поверил Сокольских.

– Ну, не вся, конечно, – согласился шофер. – Последний ряд только. Земля там горелая, и птахи мертвые вдоль забора лежат.

Мимо промчался армейский ГАЗ-66, судя по кузову – радиорелейная станция «Сорока». Вероятно, вояки очень спешили. На большой скорости окатив автобус грязной волной из лужи, они скрылись за поворотом. Разглядеть водителя или бортовой знак Сергей не успел.

– Вот, мать их! – Шофер зло дернул рычаг передачи. – За колючкой землю под контрольно-следовую полосу перепахали! Вокруг всей Зоны. Не поленились, мля! Зато поля убирать нечем, ни тракторов, ни соляры! Гниет все на хрен, никому ничего не надо!

Что такое контрольно-следовая полоса (КСП), бывший пограничник Сокольских знал очень хорошо. И даже был в курсе, как она преодолевается. А вот были ли в пограничной полосе Зоны еще какие-нибудь скрытые сюрпризы, о том можно было только догадываться. Спрашивать у шофера напрямую Сергей не стал, это могло бы вызвать ненужные подозрения. Но неожиданно тот сам ответил на интересующий Птицу вопрос:

– Да только ерунда это все. Народ понапрасну своей «режимностью» замордовали. Кому надо, тот и так туда попадет, хватает желающих. Ясен день, на КПП они не стоят, может, дыры в заборах знают. Попробуй весь карантин проверь по периметру. Или ход где-нибудь подземный вырыли, а может... – Он помолчал и добавил многозначительно: – А может, их сами вояки в кузовах-то крытых и провозят.

Водитель сбросил передачу. Автобус въехал в город и уверенно покатило вдоль обветшавших пятиэтажек.

– А что, – продолжил он, – откуда там тогда столько шушеры разной? Мародеры, мать их! Сталкеры!

Сергей не отреагировал. Как ни в чем не бывало продолжал рассматривать бегущую мимо улицу, боясь спугнуть разговорившегося водилу.

– И тащат, прут оттуда все, что до них растащить не успели.

– У дачников, что ли? – изобразил непонимание Птица.

– Да у каких, едрен, дачников?! Я тебе про Зону говорю! Про саму Ее, а не про «карантин» этот всратый.

Водитель, кажется, впервые внимательно оглядел Сергея с ног до головы и поинтересовался:

– А ты сам-то откуда? Вижу же, вроде не местный...

– А, вот здесь тормозни, – словно бы спохватился пассажир. – Я тут и выйду. Спасибо, удружил!

Автобус остановился. Сокольских, улыбнувшись, соскочил на асфальт.

– А на каком месяце-то? – вдруг спросил у него водитель. Сергей непонимающе обернулся.

– Ну, ты говорил, что жена рождает. Месяц-то какой?

– А-а-а, да как положено, девятый. – Птица вытащил из кабины свою олимпийскую сумку.

– Слушай, друг, если еще денег на карман подкинешь, могу тебя до самого роддома довезти. У меня время есть. – Шофер наблюдал, как Сергей перекидывает сумку через плечо.

– Да нет, спасибо. Мне надо еще позвонить и цветы купить. Будь здоров!

Сокольских размял ноги и зашагал в глубь городка.

– Ну, как знаешь.

Водила дал задний ход, развернулся и уехал делать свой нелегкий рабочий план.

«Итак, – думал Сергей, – нужно перекантоваться две ночи: сегодня и с пятницы на субботу. На вокзал идти не стоит. Во-первых, там больше всего милиции –

будут задавать ненужные вопросы. А во-вторых, все равно выгонят, так как зал ожидания на ночь закрывают. Если останавливаться, то у частников. Но сначала, пожалуй, стоит подкрепиться».

Небо заволочла серая пелена, осенние деревья тревожно шелестели листвой. Рваные облака на бегу латали просветы, а землю просеивал морозящий дождь. На городской площади хлопали тентом каркасные палатки продавцов, рябью шевелились растущие лужи, где-то из хриплого магнитофонного динамика раздавался голос турецкого певца Таркана.

Рядом с Сергеем уселась бродячая собака. Один ее глаз гноился, но второй смотрел вполне бодро. Облезлый хвост приветливо выписывал в сыром воздухе восьмерки. Птица поглубже натянул капюшон куртки, встал и, отряхнувшись от дождевых капель, бросил псу недоеденный чебурек.

– Питайся, брат. Раз в день горячая пища необходима! – назидательно произнес Серега. Пес тотчас же подхватил угощение, благодарно тряхнул ушами и унес добычу в кусты.

Путем опросов в очередях Птица выяснил, что комнаты в городе сдавали многие. Но хотелось подобрать что-нибудь в частном секторе, подальше от центра. Это ведь только кажется, что никому ты тут не интересен. В маленьких городах чужой человек сразу бросается в глаза. Все тебя видят и все примечают. А спустя некоторое время неожиданно появляется какой-нибудь экипаж ППС и спрашивает у тебя документы. В частном же секторе нравы, как правило, попроще.

В общем, наиболее подходящим оказался вариант с жильем в доме одного железнодорожника. Спустя час Сергей вполне удачно договорился с хозяевами о постое. Решив лишний раз не шастать по улицам, он заплатил оговоренные деньги и расположился на отдых. Делать было откровенно нечего, поэтому почти сутки Птица проспал, набираясь сил. После этого еще раз проверил снаряжение, почистил одежду, послушал радио, выпил несколько кружек чаю.

Затем стал бесцельно ходить по комнате и разглядывать пятна на старых обоях. Чтобы немного отвлечься и скоротать время, принялся изучать найденную в шкафу подшивку журнала «Огонек» за 1983 год. Выросший в более позднюю

эпоху и совсем на иной журналистике, Сокольников увлекся и погрузился в необычное чтение. Писали обо всем сразу, охватывая самый широкий круг читателей. В одном журнале ухитрились осветить новости промышленности, сельского хозяйства, поговорить об искусстве, опубликовать рассказы, стихи и, разумеется, сделать акцент на политике.

«Ткачиха Тихомирова получила новую квартиру. Участники стран Варшавского договора в Праге осудили вторжение Израиля в Ливан».

Вообще, статей об агрессивном лике сионистов Израиля и храбрых героях-палестинцах было непривычно много. По духу повествования это напоминало стиль 30-х годов прошлого века. Тогда со страниц газет не сходили республиканцы Испании, клявшиеся защищать Гранаду от кровавых франкистов. Видимо, 1983 год пришелся на очередной виток политического противостояния в холодной войне. Статья «О наращивании мощностей Херсонского консервного комбината» плавно перетекла в тему о том, почему беднеет ассортимент продовольственных магазинов. Потом читателю рассказывали о блокадном Ленинграде. О Курчатове. О Республике Кампучия и янтарной комнате. Сергей сам не заметил, как наступила глубокая ночь. Прервав чтение на опубликованном отрывке из детектива Юлиана Семенова, Птица, наконец, уснул.

К вечеру пятницы он обнаружил, что запас сигарет заметно иссяк. К тому же надо было докупить кое-что из продовольствия. Выходило так, что надо было отправляться в ближайшую круглосуточную палатку. Чтобы не скрежетать замком и не будить хозяев, Сергей аккуратно прикрыл дверь, не запирая ее. Ключи же, покоящиеся в тяжелом металлическом цилиндре, просто сунул в карман.

Натянув капюшон и стараясь не скрипеть калиткой, Птица вышел на улицу. Дождь, не прекращавшийся за это время ни на минуту, продолжал дробно барабанить по жестяной крыше. Где-то брехали осипшие собаки, да на ветру раскачивалась цепь белых, тусклых фонарей.

Сергей шел вдоль железнодорожной насыпи. Слева в ночном свете, словно покрытые лаком, блестели мокрые шпалы, справа тянулись разномастные гаражи. Самый высокий из них венчал остов ржавого жигуленка. Спустился

пятнадцать минут кроссовки начали жалобно хлюпать, и Сокольских, ругаясь, свернул поближе к гаражам. Там было повыше, и оттого земля была заметно суше. Ко всему прочему, свет железнодорожных фонарей хорошо выделял саму насыпь. Пойди он по ней, его четкий силуэт был бы виден издали. Обходя огромную канаву с черной водой, Сергей вплотную приблизился к длинному ряду гаражей, буквально обтирая куртку о железные листы. По соображениям Птицы, до заветной палатки оставалось идти еще минут десять, как вдруг он услышал обрывок чьей-то фразы. Говоривший неожиданно повысил голос, в котором прозвучала злая угроза:

– ...Ленок, не борзей!

Глухо звякнуло металлом, потом кто-то шумно выдохнул. По ту сторону автомобильного бокса явно разворачивались недобрые события. Сокольских разобрал женский голос, без конца обрывавшийся на полуслове. За гаражами что-то шуршало и перекачивалось.

– Подсоби же! – владелец первого голоса обратился к кому-то еще. Чавкнула автомобильная дверца, возня за гаражом усилилась. Сергей медленно пошел дальше. Вмешиваться ни во что он не хотел, хоть и чувствовал себя сейчас из-за этого весьма поганно.

– Да помогите же кто-нибудь! – отчаянно и громко вскрикнула женщина. Ее последние слова перешли в рыдание.

Сергей беспомощно замер. В нем боролись противоречивые чувства. Меньше всего он хотел сейчас попасть в какую-нибудь сомнительную историю. Но издевательский смех по ту сторону автомобильных боксов внезапно подстегнул чувства. На Сергея накатил волна холодной злости. Сжав в кулаке стальной цилиндр с ключами, он влез в узкую щель межгаражного пространства.

Стоявшая по ту сторону «вольво» освещала фарами молодую женщину, на которой сидел коротко стриженный крепыш, выкручивая жертве руки. Рядом с подельником суетился его долговязый приятель. Он не знал, с какого бока лучше зайти, чтобы помочь сопящему здоровяку. Длинная юбка на женщине была задрана выше колен. Ноги в осенних сапогах беспомощно елозили по черной сырой листве.

Птица не стал кричать и взывать к совести негодяев. Он знал, что, если окажется лицом к лицу сразу с двумя этими парнями, шансов у него не будет. Поэтому он с разбегу прыгнул на спину крепко сложенного бугая и ударил его по выбритому затылку.

Тяжелый металлический цилиндр с лежащими в нем ключами со страшной силой обрушился на голову здоровяка. Бывший боксер, неоднократный чемпион области, а ныне старший сержант патрульно-постовой службы «не при исполнении» Михаил Бобков ухнул, обмяк и грузно завалился на женщину. Только что он проиграл свой последний в жизни раунд. Однако его приятель, несмотря на внешнюю нескладность, среагировал мгновенно. Вскочившего Птицу встретил мощный удар в солнечное сплетение...

...На кафельном полу сортира Выборгской учебной роты лежал молодой боец, месяц назад призванный на службу Родине в пограничные войска. Перед его глазами плыли красные круги. Воздух, словно в один миг испарившийся из вселенной, не поступал в легкие, сжавшиеся от удара в грудь кирзовым сапогом. Вошедший сержант бегло посмотрел на равнодушно умывавшихся «дедов». Присел рядом с лежащим парнем.

– Что, Сокольников, ды?хало простудил? – дежурно поинтересовался контрактник с тремя лычками на погонах. – Нда-а-а, – презрительно посмотрел он на хрипящего Сергея и, указав на старослужащих, спросил:

– Это они тебя так?

Отслужившие по полтора года солдаты, словно не слыша, продолжали невозмутимо плескаться у кранов. Сергей не ответил, лишь только дышать стал чуть медленнее.

– А ну-ка встать! – рявкнул сержант и пнул мыском ботинка Сокольников в плечо. «Душара», как называли молодых солдат, держась за стенку, с трудом поднялся и с ненавистью посмотрел на контрактника.

– Пошли, – совершенно спокойным голосом произнес тот. И не оборачиваясь вышел из туалета.

Яркий солнечный свет бился сквозь огромное стекло и хромыми зайчиками плясал на стенах «Ленинской комнаты». Сержант сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и пальцами раскручивал солдатский жетон на шариковой металлической цепочке.

– Запомни, Сокольских. Мамки тут нет. Сопли тебе вытирать никто не будет! Если ты, желторотый, думаешь, что это дедовщина, то нет. Ты еще ни хрена дедовщины не видел.

Оторвав равнодушный взгляд от окна, он внимательно посмотрел на Сергея. Тот угрюмо стоял перед сержантом и разглядывал свои большие, явно не по размеру, кирзачи.

– Залупнуться решил? А силенок-то хватит? Ты, обморок, сперва в зеркало на себя погляди, а потом решишь – летать тебе «душарой» или поперек традиций что-то вякать.

Птица, поведя худыми плечами, неопределенно мотнул головой. Но ничего не ответил.

– В армии правила простые: если боишься, не говори, а если сказал – не бойся! Раз рыпнулся, так кушай! Теперь тебя каждый день будут в дышалку прессовать, пока не сломаешься. Или пока не надоест.

За окном дробно прошагал строй, слышался смех, где-то вдалеке сигналила машина. Сержант встал, вплотную приблизился к Сокольских и, глядя ему в лицо, вдруг зло процедил:

– Что не очкану?л перед ними, молодец! – И, сгребая «духа» огромной крестьянской ручищей за отвороты кителя, неожиданно выдохнул: – Но вот теперь, если ты после этого зачмонеешь, я тебя лично в нарядах на параше сгною!

И с силой оттолкнув солдата, вышел из комнаты неспешной, полной сержантского достоинства походкой.

Ад для Птицы начался на следующий же день и продолжался пять месяцев. Избивали его так, что он впадал в полуобморочное состояние и находился в нем по несколько суток. Продолжая тем не менее шагать по плацу, разбирать автомат и чистить бесконечные тонны грязной картошки. И все же, когда мучения становились совсем невыносимыми, он всегда ловил на себе взгляд стоявшего в стороне сержанта. Это заставляло Сергея стиснуть зубы и не растерять свое человеческое достоинство. Мышцы его огрубели, он уже не валился на пол от каждой плюхи, а лишь ловил всем телом удар и разгонял его по стонущим клеткам организма. Со временем гнобившие его «деды» подрастеряли былой интерес. А потом и вовсе дембелями разъехались по домам. Приблизился «год», и Птица, осмелев, стал тайком ходить в спортзал, где отчаянно молотил старую пыльную грушу. Постепенно плечи Сергея распрямились, мышцы перевилились в упругие жгуты. И вскоре он худым, но твердым кулаком разбил нос зарвавшемуся представителю одного из чужих «землячеств». От расправы его спасла граница – через день их призыв погрузили на борт «горбатого» ИЛ-76Д и перекинули в далекий Таджикистан.

...Долговязый с хеканьем засадил этому невесть откуда взявшемуся гоблину тяжелым канадским ботинком точно в солнечное сплетение. Размахнулся уже, чтобы ударом по шее добить урода... И не понял, как его противник, переломившийся было пополам, вдруг выгнулся стальной пружиной. Серегин удар, словно стальная наковальня, подбросил подбородок долговязого в ночное небо. Лязгнули зубы, голова мотнулась назад, увлекая за собою тело.

Птица сел и постарался восстановить дыхание. Сердце громко стучало. Капюшон съехал, за шиворот падали капли холодного дождя. Сергей помотал головой и медленно поднялся. Постепенно земля перестала плясать перед глазами, и, отдышавшись, Сокольских осмотрел поле боя.

Крепыш лежал в неестественной позе. Его шея была как-то нехорошо вывернута вбок, намокшая одежда резко очерчивала контур тела. Долговязый выглядел не лучше: челюсть уехала вправо, зрачки глаз закатились, оставив пустые белки тарашиться в дождливую темень, отчего он стал походить на вурдалака, яйца которого вдруг защемило кладбищенской плитой.

Сергей поднял выпавшие ключи и поискал взглядом женщину. Та, подобравшись, сидела в стороне, крепко обхватив руками колени. Ее трясло не столько от холода, сколько от потрясения. Птица нагнулся над рыжим

здоровяком, нащупал его пульс.

– Уходи отсюда! – бросил Серега женщине. Но та лишь нервно тряслась да всхлипывала, не предпринимая ни малейшей попытки встать.

Сергей подошел к долговязому и рывком приподнял его, прислонив к автомобильной решетке радиатора, чтобы в бессознательном состоянии противник не захлебнулся собственной слюной. Под полкой куртки отморозка мелькнула плечевая кобура. Из нее характерной коричнево-вишневой рукояткой отсвечивал ПМ. Птица нахмурился. Аккуратно отвернул чужую ветровку и вытащил из замшевой кобуры «макаров». Покрутив в руках, Сергей снял оружие с предохранителя и отвел затворную раму назад. В глубине ствола тускло блеснул боевой патрон.

«Не «газовик», – Сокольских мрачно сплюнул в сторону. – Вляпался все-таки в какое-то дерьмо!» Потом, подумав, нашел в кармашке кобуры запасной магазин и сунул его себе в карман.

Пристраивая пистолет за ремень джинсов, Сергей понимал, что делает большую глупость. Но неведомая сила событий уже набирала свое бешеное ускорение и отступить было поздно.

За все это время женщина не проронила ни слова. Она только внимательно смотрела за действиями невесты откуда взявшегося спасителя. Даже чересчур внимательно. Преодолевая раздражение и стараясь не встречаться с ней взглядом, Сокольских крикнул:

– Да вали уже отсюда!

И когда она наконец встала и медленно пошла прочь, Птица быстро втиснулся в щель межгаражного пространства.

Глава 3

То же время: Украина, Зона отчуждения.

Тамбурная дверь с тихим шипением закрылась. Лязгнули автоматические замки, под потолком вспыхнула красная лампа. По костюму химической защиты с дробным гулом ударили струи обеззараживающей жидкости. Они смывали то, чему не было места на научно-исследовательской станции. Вся видимая и невидимая грязь должна была остаться здесь, на выщербленном цементном полу, и впоследствии смыта за пределы жилой зоны.

Выйдя из камеры обработки, человек устало снял с себя ранец, отцепил пояс со снаряжением и, наконец, избавился от мешковатой «химзы». Кроме вошедшего, в раздевалке никого больше не было. Ощущение пустоты усиливала гнетущая тишина, разбавляемая лишь монотонным гудением вентиляционной вытяжки. Впрочем, она не справлялась с вездесущим едким запахом хлорки. Кажется, что он был повсюду. Под ботинком брякнул кусочек старой отколовшейся плитки. Человек поморщился и, переодевшись, шагнул в коридор станции.

В лаборатории его ждал сюрприз.

– Валерий Семенович! С возвращением! – Навстречу вышел тот, чье лицо меньше всего сейчас хотелось бы видеть.

– И вам не хворать, господин из эсбэу. Кажется, ваша фамилия Лисовец? – Мужчина мрачно сунул под кран кулера пластиковый стакан.

– Все верно. Но зачем вы употребляете слово «кажется»? – Гость, казалось, нисколько не расстроился из-за реакции вернувшегося руководителя лаборатории и продолжал источать доброжелательность. – Вряд ли вы за столь недолгое время успели забыть имя куратора вашего научного коллектива.

– Да уж, вас, пожалуй, забудешь, – хмуро согласился Валерий Семенович, обжигая губы горячей жижей растворимого кофе.

– Знаете, это даже немного досадно, – добавив в голос каплю огорчения, посетовал сотрудник СБУ. – Мы же с вами никогда не конфликтовали. Я исключительно лояльно отношусь к людям вашей профессии. И, согласитесь, нередко закрываю глаза на некоторые злоупотребления сотрудников. Хотя

любой другой на моем месте делать бы этого не стал. Все же не в бирюльки тут играем, вам ли не понимать?

Руководитель станции был опытным управленцем. Вычленив в речи куратора нужные слова и интонацию, он, словно легавая на охоте, моментально сделал стойку:

– Это какие такие злоупотребления?

– Ну как же. Вот хотя бы самое свежее. Вы, уважаемый в научных кругах профессор Ямпольский, вопреки всем инструкциям и запретам, в одиночку покинули станцию. А ведь условия здесь, сами знаете, далеко не курортные. Можно сказать, боевые! И в такой обстановке вы уходите за безопасный периметр, да еще и более чем на двое суток. И занимаетесь при этом черновой работой, для которой у вас есть полный штат рядовых сотрудников. Это ли не нарушения?

– Долг руководителя не позволяет мне отправлять подчиненных на территорию, о которой я ничего не знаю. Как можно быть уверенным в том, что потенциал сотрудников и лаборатории будет использован максимально эффективно?

– Это небезопасно, Валерий Семенович. – Лисовец покачал головой. – Вы руководитель! Ценный сотрудник, светлая голова. А ведете себя как мальчишка.

– Вот именно! – парировал Ямпольский. – И как руководитель я неоднократно просил вас предоставить подробную и актуальную карту территории, а еще лучше – проводников. Мы, словно слепые котята, ходим вокруг станции и тратим кучу времени на химическую разведку местности. Местности, которая на ваших устаревших картах и снимках абсолютно не соответствует тому, что есть на самом деле.

– Вы же сами отказались от помощи военных проводников?

– Это вы о своих соглядатаях в армейской форме? Да какие из них проводники? Они эту местность сами впервые видят. Нам нужны люди, которые действительно знают эту область. Лесничие, егеря, местные, кто угодно.

Лисовец сделал вид, что не заметил упоминания о «соглядатаях», мягко возразив лишь по сути вопроса:

– Валерий Семенович, ну о чем вы говорите? Какие местные, это же Зона отчуждения. Всех местных давно выселили. А что касается егерей да служащих, то и они вряд ли нам помогут. Вы же сами видите, как все изменилось. Карты действительно устарели, а новые не так-то просто составить. Спутники тут отныне бессильны. И ваша задача в том числе разобраться – почему.

– Вот и ответ на ваш вопрос. – Ямпольский немедленно ухватился за представившуюся возможность. – Мне иногда кажется, что ваше ведомство сознательно тормозит нашу работу. Дело движется слишком медленно. Здесь абсолютно неизведанная территория, «терра инкогнито» в научном понимании мира. И знаете, вопреки некоторым моим коллегам в научных кругах, я отнюдь не разделяю их оптимизма. Потому что происходящие здесь процессы не то что настораживают, а по-настоящему пугают.

– А вы не слишком преувеличиваете, Валерий Семенович? Там, наверху, – Лисовец многозначительно стрельнул глазами вверх, – кое-кто из руководства страны считает события в Зоне везением. Украинской нации, первой в истории человечества, выпала возможность заглянуть в шкатулку мироздания.

– Как бы эта шкатулка не оказалась воротами в преисподнюю. – Ямпольский смял в руке опустевший пластиковый стакан. – Вы действительно не хотите ничего замечать? Неужели вся эта трепотня о национальной исключительности вскружила и вашу голову?

Офицер СБУ некоторое время внимательно изучал собеседника. Потом покачал головой и, подчеркивая важность темы, понизил голос, выделяя каждое слово:

– Я знаю вашу позицию, профессор Ямпольский. Вы убеждены, что для решения текущих задач у нашего государства не хватит собственных ресурсов и научных мощностей. Вы решили, что без помощи соседей этот огород мы не вспашем. И с упорством, достойным лучшего применения, всячески продвигаете эту тему. Но отчего вы считаете, что Украина не справится сама? Зачем привлекать мировую общественность и раздувать шумиху? Вы понимаете, как негативно это сказывается на имидже державы?

– Боже мой... – Ямпольский устало потер виски. – Прямо сейчас, здесь, в Зоне отчуждения, происходят вещи, объяснения которым мы дать не можем. События и процессы нарастают по экспоненте и пугают своей неуправляемостью. А вы мне со всей серьезностью рассказываете об имидже державы? Или, быть может, вы решили, что я не патриот и не люблю свою родину? Ну так снимите меня с работы. Что, не хотите? Естественно, потому что вы лучше всех прочих понимаете последствия такого решения. В силу своей профессии вы знаете, как обстоят дела не только в моей лаборатории, но и во всех прочих. И если бы не моя группа и деятельность покойного коллеги, профессора Стребкова, мы бы сейчас не знали и десятой доли того, что нам удалось открыть. Нам как воздух нужна помощь американских и европейских научных светил. Причем не только их аналитические умы и свежие гипотезы, но и производственные мощности их институтов. Вы понимаете это?

Лисовец некоторое время молчал, а потом вдруг спросил:

– Скажите, Валерий Семенович, никто из бывших сотрудников профессора Стребкова с вами не связывался?

Сбитый с толку, Ямпольский недоуменно замер:

– Эээ, а разве кто-то из его группы выжил? Вы же говорили...

– Нет-нет, это я так, к слову. – Офицер СБУ поднялся, показывая, что разговор закончен. – Пожалуйста, примите к сведению, Валерий Семенович, что выход со станции в одиночку вам или членам вашей группы категорически противопоказан. Целью моего визита было убедиться, что с вами после столь длительного отсутствия все в порядке.

Ямпольский промолчал. И тогда, прежде чем уйти, Лисовец добавил:

– Не забывайте о том, что вы прежде всего ученый. А решения о привлечении к текущей задаче дополнительных сил – мирового ли масштаба или локального – принимаются на ином уровне. И для всех будет лучше, если вы станете придерживаться этого регламента. Очень прошу, Валерий Семенович, отнеситесь к этим словам максимально серьезно. А теперь мне, пожалуй, пора. Кажется, грядет буря.

Машина СБУ мягко тронулась с места. Едва с неба упали первые капли дождя, чуткие автоматические дворники включились и бесшумно заскользили по лобовому стеклу. Откинувшийся в автомобильном кресле Лисовец обернулся к удалявшемуся зданию научной станции.

– Я думаю, что принятый нами сигнал о неблагонадежности профессора Ямпольского не был безосновательным. Более того, оппозиционные настроения в его группе внушают мне опасения.

– Что нам следует предпринять? – Человек на заднем сиденье изобразил полнейшее внимание к словам шефа.

– Ничего сверх того, что уже сделано. Но вы вот что, пожалуй, возьмите под наблюдение профессора и его людей. Я хочу знать обо всем, что происходит на станции.

– Понял, сделаем. – В блокноте подчиненного немедленно появилась новая запись.

– Только постарайтесь сделать все гладко. Прослушку ставить не надо, коллектив на станции небольшой, любой новый посетитель или технический сотрудник будут на виду, да и вообще эта научная интеллигенция к чужакам крайне подозрительна. Всюду им гэбэшники мерещатся. Так что велика вероятность того, что они после каждого гостя параноидально ищут «закладки». В общем, тут требуется особая деликатность.

– Не беспокойтесь, Владислав Андреевич, я вас понял. Обойдемся без технических средств. Мы давно присматриваемся к людям профессора. И хочу доложить, что в коллективе Ямпольского есть интересный для нашего ведомства человек.

* * *

В продовольственную палатку после случившегося Сергей не пошел. Рваным темпом бега, перепрыгивая через лужи и торчащую проволоку, Сергей за десять минут добежал до дома железнодорожника.

Поднявшись на крыльцо, открыл дверь и зашел внутрь. Нервничая и суетясь, в темноте он зацепил ногой лязгнувшее ведро. Что-то тут же, глухо позвякивая, раскатилось по полу. Чертыхнувшись, Сергей чиркнул зажигалкой.

На деревянных досках прихожей стали видны маслянисто блестящие металлические гайки. В дергавшемся клочке света Птица собрал их и покидал обратно в ведро. Лежавшей тут же тряпкой протер пальцы от машинного масла. Но вдруг, внимательно посмотрев на увесистые шестигранники металла, отобрал несколько штук, завернул в носовой платок и сунул за пазуху.

Оставив ключи на столе, Сергей подхватил свою сумку и уже через минуту быстрым шагом покинул приютившую его «гостиницу».

Недалеко от городской автобусной остановки, с которой утром отходил транспорт к карантинному КПП, на запасном железнодорожном перегоне стоял состав товарного поезда. Разгрузка давно закончилась. Раздвинутые двери обнажали пустоту вагонов. Выбрав один из них, Сергей подтянулся на торчавшей скобе и перевалился внутрь. Прислонившись к стенке, вытянул уставшие ноги, подложил под спину сумку и стал рассматривать ночное осеннее небо.

«Возможно, меня уже ищут дружки тех бандюков. А может, и милиция. Не исключено, правда, что все вместе». Птица смутно чувствовал тревогу. Опасность глухим вязким туманом разливалась вокруг, пытаясь невидимыми щупальцами найти, дотянуться до Сереги. «И что меня дернуло его пушку взять? Так, может быть, и обошлось бы. Ведь скроют же, что девчонку хотели оприходовать». Птица снова достал трофейный пистолет и внимательно осмотрел его.

Пистолет системы Макарова, до сих пор стоящий на вооружении в армии и милиции как в самой России, так и в странах СНГ. ПМ в умелых руках показывал неплохие результаты. На расстоянии в двадцать пять метров он уверенно и четко поражал цели. Самым главным его достоинством была, пожалуй, удивительная надежность автоматики. Пистолет был живуч, отлично сбалансирован и безопасен для своего владельца. Недостатком же был магазин. Извлекался он только двумя руками, да и емкость магазина была, в современных-то условиях, не слишком большая.

Сергей перевернул пистолет, нажал защелку магазина и со второй попытки извлек его из рукоятки. Пистолет был новым, несмотря на характерные «залысины» трущихся частей, воронение еще не поблекло, металл не стерся, из стальной горловины магазина смотрели равнодушные головки пуль. Восемь штук. Еще столько же в запасном.

«Немного, но и не мало, это смотря как расходовать. Если вообще придется. Не дай бог, конечно!»

Сокольских вставил магазин обратно, но патрон досылать не стал. От этой дурной привычки в армии отучают очень быстро.

Если поначалу он еще раздумывал, не избавиться ли ему от этого случайного ствола, то сейчас, подержав оружие в руках, почувствовав его силу и вес, окончательно решил оставить. Конечно, это добавляло риска на проходе через КПП, вздумай кто его, Сергея, обыскать. В этом случае на всей его поездке можно будет поставить большой крест. Но с другой стороны, в самой Зоне «макаров» мог бы очень пригодиться.

Сергей тщательно завернул пистолет в полиэтиленовый пакет и обмотал поверх тряпкой. Потом вспорол изнутри боковую стенку своей сумки и сунул сверток между внутренностями кожзама. Удостоверившись, что со стороны его тайник в глаза не бросается, Птица попытался подремать. Но заснуть все никак не получалось.

Тогда Сергей достал амулет, подаренный ему Николаем. Посмотрел на ангела, выдувающего из трубы загадочные цифры. Странная это была все-таки вещица. Необычная, но в то же время внушавшая владельцу некую едва осязаемую уверенность. В текущих обстоятельствах, когда он, Серега, шел по высоко натянутому над пропастью канату, даже это было подспорьем. Покачав головой, Сокольских спрятал амулет в карман.

Пасмурная ночь расплосовала воздух. В открытую дверь вагона залетали дождь и холодный ветер. Мысли путались, пытаясь сложиться в причудливый калейдоскопный узор. Но каждый раз, словно встряхиваемые невидимой рукой, вновь перемешивались в неясно-тревожном танце разума.

Задремавшего только к утру Сергея разбудил будильник простеньких электронных часов. Мерзко-пронзительный звук их, должно быть, вел свое родство от иерихонских труб. Птица медленно размял задеревеневшие мышцы, перекусил шоколадом и кое-как привел себя в порядок, понимая, что, если он, Сергей Сокольских, собирается пересечь КПП без лишних вопросов, ему не стоит походить на человека, ночевавшего в товарном вагоне.

Сменив гражданскую куртку на штормовку, в коих ходило большинство грибников и дачников, отчистил от грязи джинсы и кроссовки, подхватил сумку и спрыгнул на насыпь.

К КПП Сокольских приехал в полдень. Заступившая утром дежурная смена успела утратить бодрость и бдительность. Народу же из желающих попасть за периметр, напротив, не убывало. Солдаты уже прикидывали время до обеда, откровенно зевали, следя лишь за тем, чтобы не было давки.

Но на этот раз на посту дежурил еще и милиционер, о чем-то лениво препирающийся с армейским прапорщиком. Наличие милиции несколько насторожило Птицу. Он предположил, что, возможно, это связано с большим скоплением народа в выходной день.

Сокольских обратил внимание на одинокого старика, только что отстоявшего очередь за пропуском. Закурив папиросу, тот задумчиво смотрел из-под козырька мятой кепки на уходящее вдаль шоссе.

Сергей остановился рядом, демонстративно похлопал себя по карманам, ища зажигалку. Старик вытащил коробок спичек и протянул Птице. Сергей, поблагодарив, прикурил и, словно бы только сейчас заметил на пиджаке ветерана две орденские планки, сказал:

– Простите, а вы на каком фронте воевали?

Старик заинтересованно посмотрел на парня, а потом расправил плечи и ответил:

– На Втором Украинском. Удивительно, что молодежь еще этим интересуется. Да ты не подумай, я не в претензии. Все понимаю. Уходит наше время.

Птица, словно извиняясь за свое поколение, добавил:

– Вы на деда моего похожи. Но не внешне, а как-то в целом. Он в пехоте воевал, только на Белорусском направлении...

Старик взглянул на Сокольских уже несколько иначе. Глубокие морщины на лбу, несмотря на возраст, слегка разгладились. Затянувшись папиросным дымом, ветеран ответил:

– А я танкист, как в октябре сорок четвертого мне восемнадцать лет стукнуло, так и призвали. Но войны и на мою долю хватило. Дважды в танке горел возле озера Балатон. Слышал ты про такое?

– А как же! Венгрия. – Сергей покивал и, помолчав, добавил: – На дачу едете?

Пенсионер усмехнулся и махнул рукой на очередь:

– Это они на дачу едут. Нашли, тоже мне, место для отдыха. Хоть татары, хоть заражение, хоть кол на голове теши. А я к дочке с зятем еду, транзистор свой хочу забрать. Им ни к чему старье это, а мне, старику, радость.

Сергей представил себе будни старика, которому только и остается, что слушать радиоприемник. На душе стало тоскливо.

И тут ветеран вдруг поинтересовался:

– А ты чего так нервничаешь-то? Весь, вон, извертелся. Потерял кого?

Сергей ругнул себя за мандраж, а потом поведал свою «легенду»:

– Да очередь такая, хоть с рассвета занимай, а я и так уже опоздал. Жена мне теперь голову снимет! С тещей на даче с утра меня ждут. Не знаю, что и делать... – Он горестно развел руками. – Вы бы не могли мне свой пропуск продать?

Старик усмехнулся и, внимательно посмотрев на Птицу, спросил:

- А то, что он выписан на другого человека, тебя не смущает?

- Да все равно на контроле его никто с паспортом не сличает. Я бы вам хорошо заплатил. Мне время дороже, - закончил свою мысль Сокольских.

Пенсионер вынул пропуск, прочитал его, подумал и протянул заветную бумажку Птице. Тот, волнуясь, как бы ветеран не передумал, достал купюры и передал старику:

- Спасибо огромное! Так выручили!

Пенсионер убрал деньги, затушил папиросу и сказал:

- Будь здоров! В другой раз съезжу. - Он поднял свой выбеленный солнцем рюкзак. - И да, вот еще что, хлопец...

Сергей задержался. Старик с улыбкой взглянул на него.

- Когда взаправду женишься - кольцо на палец не забудь надеть! - И не оглядываясь двинулся к остановке.

Птица постоял молча, поправил на плече сумку и решительно направился на КПП.

Молодой солдат с опущенным вниз стволом потертого 74-го «калашникова» дежурно принял документы. Однако, увидев красный российский паспорт, резко выделявшийся на фоне синих, украинских, заинтересованно поднял глаза.

«Только бы не сорвалось!» - Сергей сжал на удачу в кулаке амулет с ангелом и внешне спокойно произнес:

- К родственникам еду.

Срочник продолжал рассматривать паспорт. Наличие билета он видел, тот был демонстративно вложен между страницами. Но на молодом, покрытом оспинами юношеском лице появилась нерешительность. Подтянув сползающий автомат, солдат оглянулся в сторону прапорщика. Тот, не обращая никакого внимания на очередь, что-то агрессивно втолковывал милиционеру. Сотрудник милиции устало отбрехивался и, чиркая колесом дешевой зажигалки, пытался прикурить сигарету.

И тогда Сокольских задал психологически точно выверенный вопрос:

– Друг, ты сколько прослужил?

Солдат, потеряв прежнюю мысль, повернулся к Сергею. А потом, с достоинством свежее испеченного «черпака», ответил:

– Год разменял!

Не давая бойцу сосредоточиться, Птица благосклонно улыбнулся, легонько хлопнул его по плечу и наставительно произнес:

– Ништяк! Самое трудное уже позади. Службу, выходит, уже знаешь?

С этими словами Сергей решительно протянул руку за паспортом и шагнул к калитке. Услышав в его голосе знакомые всему бывшему Союзу дембельские интонации, солдат машинально вернул документы:

– Ну, так! – и поколебавшись, добавил заветное: – Проходите.

«В конце концов, его же проверяли, когда пропуск выписывали», – мелькнула мысль у бойца, уже принимавшего от следующего посетителя новый комплект документов.

Сокольских одним из последних сел в УАЗ-«буханку». Он залез третьим пассажиром в водительскую кабину и, закрыв дверцу, попытался скрыть волнение. Это была его первая маленькая победа.

Машина тронулась. Народ в салоне качнулся, плотнее утрамбовываясь между тележками и сумками. Выкручивая баранку руля, водитель выехал на асфальт. Но через несколько секунд внезапно скрипнули тормоза. Люди повалились друг на друга, ругаясь и проклиная бестолкового шофера. Водитель же молча смотрел в боковое зеркало. В «тылу», на оставшемся позади КПП, явно что-то происходило. Сергей похолодел от нахлынувшего резко страха разоблачения и осторожно выглянул через опущенное стекло. От КПП по направлению к машине бежал милиционер, придерживая рукой сползающую фуражку.

Ноги Птицы налились предательской тяжестью. Положив руки на колени, он глубоко вздохнул.

Запыхавшийся милиционер, распахнув дверь, в упор, через Сергея, рывкнул водителю:

– Халилов! Заедешь к Сенько и скажешь, чтоб через два часа он меня сменил! – И, распираемый только ему известной радостью, сунул какой-то сверток.

– На. Отдашь ему. Скажи, я договорился!

Сергей чугунными руками взял пакет и передал соседу, а тот – водителю. Водитель уазика кивнул и положил руку на рычаг передачи.

– Ну, все тогда. – Лицо в фуражке улыбнулось и, подмигнув Птице, доверительно сообщило: – Еле успел!

Сергей натянуто улыбнулся в ответ. Только спустя полчаса дороги Птицу «отпустило», и он устало откинулся на спинку сиденья. Мелькавшие за окном километры с каждой минутой приближали его к Зоне.

19 сентября 2005 года

Региональное управление внутренних дел:

18 сентября, около 23 часов, в районе Железнодорожный, было совершено нападение на сотрудников милиции: старшего сержанта патрульно-постовой

службы Бобкова Михаила Петровича, 1980 г.р., и сотрудника прокуратуры Мелешко Дмитрия Харитоновича, 1977 г.р. Оба сотрудника в указанное время находились в компании свой знакомой Силантьевой Елены Васильевны. По показаниям Мелешко Д. Х. и свидетельницы Силантьевой Е. В., нападавший (личность устанавливается) нанес тяжкие телесные повреждения вышеуказанным сотрудникам. После чего неизвестный похитил у Мелешко Д. Х. табельное оружие ПМ (серийный номер ПМ5437), запасной магазин к нему (патроны 9?18 в количестве 16 штук). Предположительно нападение было совершено с целью завладения оружием. Резолюция: провести служебное расследование и оперативно-розыскные мероприятия по установке личности и задержанию нападавшего.

Нач. РУВД полковник Н. Д. Краско.

19 сентября 2005 года

Ориентировка:

За покушение на жизнь сотрудников милиции разыскивается: мужчина 25–30 лет, славянской внешности. Телосложение спортивное, рост средний, волосы темные. Особых примет не имеет. Предположительно одет в серую спортивную куртку с капюшоном, темный свитер, голубые джинсы и белые кроссовки. Преступник может быть вооружен и особо опасен. Фоторобот разыскиваемого прилагается.

2 октября 2005 года

Областная газета «Новости спорта»:

Как ранее сообщала наша газета, в травматологическом отделении городской больницы в тяжелом состоянии находится молодой боксер, трехкратный чемпион области Михаил Бобков. Став жертвой бандитского произвола, перспективный спортсмен, всеобщий любимец Михаил, по словам врачей, никогда уже не сможет выйти на ринг. Не сможет порадовать любителей и поклонников бокса своими новыми победами. Все мы очень тяжело переживаем

и хотим спросить у сотрудников МВД: когда же прекратятся эти безнаказанные преступления и наступит порядок на улицах нашей области?

Глава 4

В двухэтажном здании пансионата царил полумрак. Три светильника из пяти не горели, а два оставшихся явно не справлялись с наступающими сумерками. За стойкой сидела женщина лет сорока пяти, пытавшаяся бороться со скукой традиционным способом – чтением глянцевого журнала и распиванием чая. Стук ее чашки изредка прерывал монотонное гудение люминесцентной лампы.

Сергей подошел к стойке, поставил сумку на пол и достал приготовленные документы:

– Вечер добрый. Я бы хотел остановиться в вашей гостинице. Это возможно?

Если судить по обилию ключей, висевших в шкафчике номерного фонда, выходило, что сейчас здесь от силы проживало человек пять – семь. Остальные номера должны были быть свободными. Женщина лениво отложила журнал. Надев очки и осмотрев Сергея с ног до головы, он произнесла традиционное:

– Мест нет.

– Кхм. – Птица глубокомысленно скосил глаза на висевшие шеренги ключей.

– Места для сотрудников предприятий, ветеранов-чернобыльцев и специальных гостей, – прокомментировала его взгляд тетка и вновь отпила из чашки. – К какой из перечисленных категорий вы относитесь?

Сокольских вздохнул и протянул ей институтскую «липу»:

– Будем считать, что я специальный гость. У меня задание от нашего НИИ изучить местную флору и фауну на предмет воздействия радиации.

Женщина-администратор взяла у него российский паспорт, из которого выглядывали денежные купюры. И не таясь пересчитала их. Потом опять посмотрела на Сергея. Тот мысленно чертыхнулся, достал бумажник и добавил еще столько же. Сбережения улетучивались гораздо быстрее, чем он мог предположить.

– Так, – женщина открыла толстый гроссбух, пробежала пальцем по его неровным строчкам, – у нас все забронировано, и свободны только два номера, это люксы. Они дорогие, но номера очень хорошие. Будем заселяться?

Сокольских успел заметить, что страница со «свободными люксами» датирована пятилетней давностью. «Опять разводят, мать твою за ногу...» – мелькнула сердитая мысль, но вслух он произнес:

– Я действительно в командировку. И действительно по делу. Если у вас найдется что-нибудь попроще, что ж, я не привередлив, – глядя администраторше в глаза, ответил Сергей.

Та с минуту помолчала, потом захлопнула журнал и разочарованно протянула:

– Мне, в общем-то, все равно, откуда вы. Апартаменты попроще, так и быть, найдем. – И, не сверяясь с книгой, добавила: – Двести пятнадцатый номер, второй этаж, направо по галерее. Воду экономьте, радиоприемник не работает, рамы окон мы заклеили, не открывайте. И в номере не курить!

Она убрала гроссбух и, достав бланк советского еще образца, положила перед Сокольских:

– Заполните. Фамилия, имя, отчество, место работы и количество оплаченных суток.

Сергей послушно накарябал свои данные и оплатил неделю проживания в далеко не самом лучшем номере. Заодно он прикинул, что если это цена за номер «попроще», то в здешнем «люксе», видимо, останавливаются только арабские шейхи. Причем не самые завалящие.

Бланк переключал в руки администратора. Женщина, сверив данные с паспортными, стукнула печатью. На типографский герб Советского Союза лег фиолетовый трезубец Украины:

– Ознакомьтесь с правилами и постарайтесь не нарушать. С этим у нас строго. – Тетка подняла бланк. Под ним обнаружился черный шуршащий лист копировальной бумаги. А под ним, в свою очередь, копия бланка, переключавшая в руки Сокольских.

«Копировальная бумага! Надо же! Я с девяностых такого раритета не видел», – внутренне восхитился Сергей.

– Последние сутки оплаченного номера истекают согласно времени заселения, то есть... – она посмотрела на часы, – в девятнадцать сорок две.

– Ясно. – Сергей забрал ключ, спрятал копию бланка и добавил:

– Не исключено, что мне понадобится у вас задержаться. – Взяв вещи, он направился к лестнице.

– Это возможно лишь в том случае, если у нас будут свободные места, – немедленно ответила женщина.

– Ну, разумеется, – усмехнулся Сергей.

Пройдя по узкому коридору крыла, освещаемому всего одной дежурной лампой, Сокольских все же сумел отыскать свой номер. Провернув ключ в тугом замке, Сергей толкнул легкую фанерную дверь и вошел внутрь. Отыскал на ощупь переключатель, включил свет.

Узкая кровать, стол с двумя стульями и здоровенный шкаф с приоткрытыми дверцами. Птица заглянул в шкаф. В пыльной пустоте на металлической перекладине сиротливо висели две проволочные вешалки. Окна заклеили, видимо, еще в конце восьмидесятых: узкие полосы газетной бумаги скукожились и намертво приросли к рамам. Лишь у форточки сорванные ленты сушеными гадюками уныло свисали вниз.

А вот что порадовало, так это наличие в номере пожелтевшей эмалированной ванны и отдельного туалета, что избавляло Птицу от вынужденных путешествий по коридорам пансионного крыла.

Сергей снял со стены плакатик «Не курить!». Воспользовавшись навыками оригами, скрутил из него бумажную коробочку, приспособив ее под пепельницу. Потом отодрал прикипевшую форточку, раскрыл, насколько позволяли петли, и закурил, выпуская дым на улицу.

«До второго кольца блокпостов отсюда километров пятнадцать будет. Дальше отстойник – «мертвый периметр», а потом снова кольцо ограждений, уже последнее. А за ним – Она. «Мертвый периметр» должен быть нешироким, где-то километров пять. И все это – сплошь бурьян, болота и овраги. Случайных людей там нет, зато наверняка патрули встречаются. В принципе, расстояние до Зоны можно покрыть за сутки, это если предварительно изучить вторую и третью линии блокпостов и заграждений. Естественно, немалая часть времени уйдет на то, чтобы их преодолеть».

В том, что придется попотеть, Сергей не сомневался. Он уже не рассчитывал на пофигизм и разгильдяйство здешних военных, халява осталась за первым КПП.

Птица принял душ и, переодевшись в спортивный костюм, сел ужинать.

Процесс поедания холодной тушенки был прерван осторожным стуком в дверь. Сокольских осторожно встал. Подумав, сунул в рукав куртки-олимпийки нож. Щелкнув хлипким замком, приоткрыл дверь.

На пороге, держа в руках целлофановый тюк с постельными принадлежностями, стояла пожилая женщина в синем хозяйственном халате.

– Здравствуйте. Вы позволите?

Сергей шагнул в сторону, освобождая проход.

Женщина вошла в номер и положила ношу на кровать.

– Конечно. Здравствуйте! – запоздало произнес Сокольских.

– Постельное белье, скатерть, полотенце, – надтреснутым голосом перечислила она. Потом неодобрительно посмотрела на пепельницу из плаката, перевела взгляд на открытую форточку.

– Извините, – виновато произнес Сергей, – просто на улицу выходить не хотелось, поздно уже.

Женщина вздохнула, достала из кармана сверток. Им оказался кусок белесого мыла. Положив его на краешек стола, она произнесла:

– Меня вы можете найти в хозяйственной комнате. Если не застанете, скажите на вахте или оставьте в дверях записочку. Если что понадобится поменять – обращайтесь. Смена белья и полотенец раз в три дня.

И посмотрев на шторы, почему-то виновато добавила:

– Новых нет. Вы уж как-нибудь с этими.

Она вышла, плотно затворив за собой дверь. Сергей постоял с минуту, потом подошел к двери, запер замок. Критически осмотрев, ножом, как отверткой, подкрутил хлипкие шурупы. Поразмыслив, поставил на задние ножки стул и прислонил его спинкой к двери: если ночью кто-то попытается открыть дверь, стул своим падением предупредит о незваных гостях.

Доев небогатый ужин, Птица расстелил постель и лег спать. Покрутившись с минуту под тощим казенным одеялом, он нащупал под подушкой приятный холод пээмовского металла и погрузился в сон.

Сны были обрывистыми и тревожными. Виделись то облезлые хари, то бегущие без рельсов поезда, а потом и вовсе уж какой-то бред.

Ему приснилось огромное пушистое облако, к которому был приставлен конец пожарной лестницы. Опиралась же она на живую кашу копошившихся мохнатых существ. Посреди лестницы висел Серега.

Судорожно перебирая руками перекладины, он пытался подняться вверх. Каждый раз, когда облако было уже рядом, лестница неожиданно складывалась. Твари снизу нетерпеливо стучали крысиными хвостами, и Сергей, холодея от ужаса, вновь рвался к спасительной высоте.

Это длилось бесконечно долго, пока наконец Птица рывком не вскочил на заветную, клубящуюся снегом шапку. Потев от усилий, он втащил за собой лестницу и попытался отдышаться.

Когда же Сокольских осознал, что облако – это на самом деле огромный клуб радиоактивной пыли, оно гнилостно лопнуло. Вместе с лестницей он полетел в чавкающий внизу ад.

Резко открыв глаза, Сергей проснулся. Было уже утро, за окном пели птицы и грохотала металлическая стремянка. В свете выглянувшего впервые за все это время солнца он снова осмотрел комнату. Она была такой же, как и вчера. На столе лежали сморщенные сухофрукты, на плечиках вешалки болталась высохшая одежда. Стул по-прежнему подпирал дверь.

Часы показывали четверть десятого. Необходимо было провести этот день с пользой. Поэтому, несмотря на сильное желание поспать до обеда, Сергей умылся и поскреб бритвой мятую физиономию. Одевшись, спустился на улицу.

Здание пансионата представляло собою букву «П», обращенную верхней перекладиной в сторону дороги. Во внутренний двор, образованный правым и левым крыльями строения, выходили лестницы. По одной из них Птица и вышел на свежий осенний воздух.

Асфальтовые дорожки, дикие груши, ветки рябины – маленький парк жил своей неторопливой жизнью. Возле распределительного щитка трансформаторной будки возился человек. Распахнутая дверца с облезлыми буквами «ЩР-7» скрывала его лицо и плечи. Алюминиевая стремянка, разложенные инструменты и «Твою мать, да что ж такое...» выдавали серьезность мероприятия. Сергей заинтересованно подошел ближе.

Молодой мужчина в советской спецовке молодежных строительных отрядов осторожно тыкал индикаторной отверткой в недра трансформатора.

- Бог в помощь, - поприветствовал его Птица.

- Не отказался бы... - Мужчина отложил отвертку и задумчиво почесал затылок. - Все утро колупаюсь. Не пойму: то ли от воды закоротило, то ли реле от старости накрылось?

Сокольских заглянул в щиток, осмотрел его. Взяв отвертку, кивнул на трансформатор:

- Разрешешь?

- А шарить? - вопросом на вопрос ответил электрик.

- А то! Пятый разряд, до «штуки» допуск. - И Сергей начал деловито свинчивать заднюю крышку.

- Ну, тогда валяй. А то, если честно, у меня уже руки ходуном ходят. - Электрик достал из кармана сверток с семечками и принялся их неторопливо лузгать. Закрашенные толстым слоем краски болты поддавались с трудом. Открутив восемь штук, Сергей снял крышку.

- Ну, что там?

- Похоже, предохранитель сработал да и прикипел. Чистить надо, а так нормально вроде. - Птица постучал отверткой по металлу, и с предохранительного реле посыпалась труха нагара. Зачистив контакты до блеска, поставил все обратно, посадил крышку на два болта, а остальные кучкой сложил сверху.

- Дальше сам, - улыбнулся Сергей и вытер руки о протянутую ветошь.

Электрик склонился над щитком, щелкнул, и трансформатор тотчас жизнерадостно загудел.

– Вот спасибо, выручил. – Мастер пожал Сокольников руку и представился: – Сашко. Кореша кличут Мангустом. Но это длинно, поэтому можно просто – Манга.

– А почему – Мангуст? – полюбопытствовал Серега.

Собеседник докрутил болты, захлопнул щиток и, собирая инструменты, стал рассказывать:

– Я в свое время много по стране поколесил. Аккурат сразу после развала «нерушимого». Так вот, в Средней Азии мы с бригадой высоковольтную ЛЭП тянули. То да се, пески, барханы. У меня от природы реакция отменная, так, веришь, я кобру голыми руками научился ловить. Она даже среагировать не успевала, как я ее за горло «цап», и ваших нет! А уж на что она, змеина, шустрая. Потому и прозвали мангустом. Да только... – Он сплюнул, вспомнив что-то нехорошее. – Лет пять назад, «на грудь» принявши, полез я вот в такую же хрень, – Сашко кивнул на трансформатор. – Ну, по пьянке «дугу» и словил. Тряхнуло так, что, когда на землю шваркнулся, только ботинки дымились. После этого не то что реакцию потерял, моргать с задержкой стал.

Он криво усмехнулся и сложил стремянку.

– А ты здесь электриком числишься? – Птица помог собрать инструменты.

– Да не совсем. Я так – мастер, как говорится, на все руки. И не здесь конкретно, а вообще по «карантину». И местным в поселке, и дачникам помогаю. В общем, курсирую по мере надобности.

Сергей глубоко вдохнул свежий воздух, пахнувший осенней прелой листвой. И будто невзначай поинтересовался:

– И воякам тоже помогаешь с ремонтом?

Мангуст рассмеялся:

– Нет, конечно. У армейцев свои спецы имеются. У них вообще все свое, нас они не жалуют.

Метрах в тридцати неожиданно послышался смех. Сергей оглянулся и сквозь огненно-рыжую листву разглядел двоих. Они сидели на скамейке, играли в нарды и о чем-то переговаривались. На одном были старые кеды, брюки и теплая байковая рубашка в «ковбойскую» клетку. На плечи была накинута стеганая куртка, а из-под кепочки-малокозырки выбивалась длинная челка. Второй же, несмотря на осеннюю сырую погоду и холодный ветер, сидел в вылинявшей синей майке. Спортивные треники с вытянутыми пузырями колен были подвернуты до середины голени, на босых ногах – шлепанцы. По всему телу второго, насколько позволяла видеть его «скромная» одежда, синели щедрые татуировки. Видимо, тюремные. Периодически эти двое начинали громко пересмеиваться, а затем снова что-то тихо меж собою обсуждали.

– Постояльцы? – спросил Птица.

– Ага, вроде того. Наши весельчаки, – ответил электрик.

– А чем вообще занимаются? – Сокольских продолжал разглядывать двоих сквозь ветки.

– Отдыхают, видимо, – без энтузиазма произнес Сашко, пристраивая на плечо бухту провода. – Тот, что слева, новенький, его не знаю. А второй, стриженный, в майке, – Генка-сиделец. В розыске он. – Электрик пощелкал плоскогубцами и сунул их в сумку.

– То есть как? – неподдельно удивился Птица. – Здесь же особый режим, карантин...

Сашко усмехнулся и, спрятав моток изоляционной ленты в карман спецовки, сказал:

– Вот потому его здесь и не ищут. – Многозначительно подмигнул и направился к зданию.

Позавтракал Сергей прекрасно. Как ни странно, в практически пустом пансионате для него открыли столовую и приготовили еду. Пища оказалась

очень недурна, но от второй порции пришлось отказаться. Тяжесть в желудке неминуемо требует сна или, по крайней мере, отдыха. А время Сокольских экономил, поэтому, допив компот, вышел на улицу.

В парке он столкнулся с тем самым Генкой, которого полчаса назад видел на скамейке. Его приятель с нардами уже ушел, и «сиделец», видимо со скуки, прогуливался в одиночку. Завидев Птицу, он вразвалочку пошел навстречу.

– Здорово, кентуха. – Блатной широко улыбнулся, демонстрируя две стальные фиксы.

– Здоров, коль не шутишь. – Сергей остановился и вынул руки из карманов.

– Ты ведь вчера приехал? Вечером? – Генка изучал нового постояльца профессионально-оценивающим взглядом. Внешне глаза бандита приветливо смотрели на Сокольских. Но в их глубине была отчетливо видна хватка матерого рецидивиста, отмотавшего в зонах и штрафных изоляторах не один год своей жизни.

«Сколько ему лет?» – подумал Сергей. Возраст таких «граждан», в силу образа жизни, определить было довольно трудно. Что-то неопределенное от тридцати до пятидесяти. На груди Генки под растянутой майкой виднелось изображение церкви с пятью куполами.

– Может, приезд твой обмоем? – предложил «сиделец». – Лавэ-то у тебя есть?

– Лишних нет. – Сергей достал сигарету и, прикуривая, продемонстрировал наколку на ребре левой ладони – «За ПВ...». Солдатская татуировка произвела правильное впечатление. Генка перестал улыбаться. Поскоблив ногтем каменный налет на зубах, спросил:

– Служивый, значит? На «вышке», часом, не стоял? – поинтересовался он с чуть скрытой неприязнью.

Твердо, но без вызова, глядя ему в глаза, Птица ответил:

– Не стоял. Погранвойска.

«Сиделец» тягуче, через губу сплюнул в сторону и протянул:

– Один хрен, гэбист.

Во времена СССР погранвойска входили в структуру КГБ (Комитета госбезопасности или сокращенно – гэбэ), что для воровского мира было равносильно сотрудникам милиции. В общем – «западло». Но тем не менее намек Генка понял правильно.

– Ну, будь здоров. Береги себя, пограничник. – И, слегка задев плечом Птицу, не спеша утопал по аллее.

Сокольских посмотрел ему в спину, развернулся и пошел в свой корпус.

Поднявшись в номер, он переоделся, сменив джинсы на брюки из «штормовочной» ткани, а кроссовки на солдатские берцы. Свернув, сунул в рюкзак плащ-палатку и полиуретановый коврик. Положил кофр с биноклем, пехотную лопатку, фонарь и все свои документы. Подумав, спрятал во внутренний карман паспорт и удостоверение «Пресса». Пистолет брать не стал. В Зону сегодня было все равно не попасть, а при предварительной разведке он бы вряд ли пригодился. Попадись Серега с огнестрелом возле периметра, и вся поездка накрылась бы медным тазом. Тем более обидно было бы, что фактически у самой цели. Но и оставлять оружие в номере не хотелось. Встреча с уголовником могла запросто закончиться «шмоном» помещения в отсутствие хозяина. Так что оставлять ПМ на сувенир вору Птица вовсе не собирался.

Внимательно осмотрев свои хоромы, ничего, что можно было бы использовать как тайник, он не обнаружил.

«Радиоприемник? Нет. Старенькая «Аврора» слишком заметна, уж туда бы Генка точно заглянул. Сливной бачок? Слишком банально. Остается кровать, сетка с пружинами и старенький матрас. Вот то-то и оно. Нет, тут надо что-то другое. Гм, как там говорил Сашко сегодня? «Потому его здесь никто и не ищет»? А ведь

электрик был прав».

Сергей приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Никого. Осторожно пройдясь по галерее, остановился возле электрического силового щитка.

Тихо раскачав дверцу, Птица высвободил язычок замка и осмотрел темную нишу. Пыльные провода, к которым не прикасались с прошлого века, уходили в чрево кабельной шахты, тянувшейся от одного этажа к другому. Достав из кармана сверток с пистолетом, Сергей аккуратно, на толстой капроновой леске, опустил его в шахту межэтажного пространства. Второй конец накрепко примотал к металлическому штырю, на котором и держалась вся силовая автоматика щитка. Закрыв дверцу, осмотрел схрон и остался доволен проделанной работой.

Спустившись в холл, Сергей сдал ключ дежурной администраторше:

– Я по работе в лесок пройду, почву посмотрю, – объяснил он свой внешний вид.

Женщина равнодушно пожала плечами и углубилась в чтение журнала.

Сергей миновал аллею. Шлепая по лужам кирзовыми ботинками, вышел на автостраду. Пройдя по ней километров пять, уворачиваясь от брызг пролетающих мимо автомобилей, он через несколько минут решительно свернул в лес. Топать по бурелому, выстраивая маршрут по компасу, он не собирался. Поэтому, держась от дороги приблизительно в сорока метрах, Птица продолжил путь вдоль мокрого шоссе.

Выдерживая направление, он плавно огибал буераки с оврагами. Невидимый для проезжавших машин, уверенно приближался к блокпосту. Пансионат был конечной точкой гражданского автотранспорта. Дальше ход был только для армейской техники. За время пути Сергей заметил несколько «Уралов», пару «шестьдесят шестых» ГАЗов и даже БТР. И тем не менее однажды в сторону поста ушла желто-горчицная «Нива» без номеров, с тонированными стеклами.

«Да-а... Что-то тут явно есть. Скрытое за всем этим карантином от общественного взора. Ну, дай бог, со временем узнаем!»

Птица продолжал пробираться сквозь заросли и спустя два часа увидел блокпост.

Это было солидное сооружение, обустроенное по всем правилам фильтрационной зоны. Продвинувшись на триста метров вправо от поста, Сергей с небольшого склона, надежно укрытый травой и кустарником, осматривал армейскую фортификацию. Оптика бинокля отлично демонстрировала все тонкости работы контрольно-пропускного пункта.

Кирпичное здание было превращено в надежную крепость. На расстоянии пятидесяти метров от нее была установлена укрепленная пулеметно-огневая позиция. Стволы тяжелых «Утесов» хищно смотрели в сторону дороги.

Позиция была выбрана очень грамотно. С дороги до нее нельзя было добросить гранату. С самой же огневой точки было видно все, что происходит на посту проверки документов. Бойцы дежурившего наряда, останавливающие автотранспорт и проверяющие бумаги, постоянно находились в прямой видимости друг друга. А значит, визуально могли контролировать действия напарника. Во всем чувствовался профессионализм и матерая закалка. Это были уже не «срочники», а настоящие спецы своего дела.

Водители грузовиков выходили сами, и, пока у них проверяли документы, напарник осматривал кабину. У бойцов не было коротких АКСУ-74, которыми обычно вооружали сотрудников автоинспекции. Вместо них на ремнях висели грозные АКМ. А в случае серьезной беды с пристрелянной пулеметной позиции свинцовый град калибра 12,7 мм смел бы любого противника.

Весь блокпост по периметру окружали ряды колючей проволоки в самых разных ее модификациях: от обычного заграждения до лежавшей на земле спирали Бруно.

В принципе, ничего нового для себя Сергей не открыл. Примерно тем же образом были организованы блокпосты в Таджикистане. И сейчас аналогичный, с небольшими дополнениями пост расположился на стратегически важном

направлении. Метрах в пятистах от него вдоль шоссе находился еще один такой же блокпост-близнец. Стоявшие недалеко сооружения могли поддерживать друг друга огнем тяжелых пулеметов: если бы кто-то прорвался через один пост, его бы неминуемо уничтожили или задержали на втором. Редкий лес, тянувшийся перпендикулярно дороге, разделяло перепаханное поле. Оно уже проросло травой, и среди ее жухлых стеблей торчали грозные таблички: «Мины!»

«Мать-перемать! Это что же, они весь периметр Зоны минами обложили? Ни хрена ж себе, какой запас, однако!» Подходы к минному полю перекрывали два ряда проржавевшей колючей проволоки. Врытые в землю столбы со временем разъехались. Проволока местами лопнула и обвисла. Сергей перевел бинокль на поле и внимательно осмотрел его.

«Ого! А минные поля у нас, оказывается, с тротуарами!» Даже отсюда было видно, что местами трава была примята, а грунт наискось перепахан гусеницами тяжелого трактора. Причем сделано это было совсем недавно. Кто, как и зачем совершил сие деяние, не имело значения. Главное, что забрезжила-таки надежда проскочить открытое пространство.

Глава 5

Зона отчуждения, территория научно-исследовательской станции.

Дощатая крышка борта распахнулась, и из кузова армейского грузовика медленно подали тяжелую коробку. Солдаты, елозя берцами по чавкающей грязи, потащили груз в глубь станции.

– Осторожно! Не заденьте оборудование! Грязи, грязи-то сколько натащили, молодые люди! – Старший научный сотрудник метался между грузчиками и больше мешал, чем руководил разгрузкой.

– Кто из вас Кобзарь? – обратился к ученым широкоплечий майор в лихо заломленном черном берете.

– Это я! – встрепенулся тот самый научник, ответственный за разгрузку.

– Распишитесь! – Майор протянул ему акт приемки.

Заместитель и главный ассистент профессора Ямпольского Марк Витальевич Кобзарь бегло сравнил опись с разгруженными коробками. Кивнул и поставил размашистую подпись.

Когда военные уехали, ученые собрались вокруг груза. Зашуршали упаковочные пленка и бумага. Заскрипели доски под гвоздодером, защелкали крышки металлических и пластиковых кофров. Сопровождавшие осмотр груза реплики в целом были положительными. Не обошлось без разочарованных вздохов, но надо было признать, что почти все заявки оказались исполненными.

Лишь когда вскрыли самый последний, крупный ящик, воцарилась тишина. Спустя несколько минут созерцания Кобзарь хрипло попросил:

– Кто-нибудь, пожалуйста, позовите сюда Валерия Семеновича.

– Открыли мы ее, а тут вот это, представляете? – Кобзарь в третий раз повторял одно и то же.

Ямпольский рассматривал содержимое ящика, закусив нижнюю губу.

– Взглянем на опись, – нетерпеливо взяв лист накладной, он стал внимательно сравнивать наименование грузов с маркировкой ящиков. Вскоре Ямпольский отложил бумаги в сторону и задумчиво обвел сотрудников взглядом.

– Как вы думаете, коллеги, успеем ли мы в достаточной степени изучить присланный образец, прежде чем военные осознают, что перепутали ящики?

– Перепутали? – Молодой сотрудник группы, Дмитрий Волков, удивленно присвистнул. – А что, можно вот так запросто перепутать груз подобной категории секретности?

– Как видишь, Дима, да. – Ямпольский еще раз посмотрел на содержимое ящика. – По большей части визуально все ящики действительно одинаковые. И мы не единственная научная станция в Зоне. Так что, видимо, человеческий

фактор сыграл свою роль. Честно говоря, я давно догадывался, что до нас доводят далеко не всю информацию о флоре и фауне Зоны. Но я даже не мог предположить, что от нас скрывают вот такое.

Он указал на мертвое тело, очертаниями напоминавшее человеческое. Однако сходство на этом заканчивалось. Кожа – серо-бурого оттенка, развитая мускулатура, заметно выдающиеся надбровные дуги. Тяжелая, агрессивно выдвинутая нижняя челюсть, полная крупных желтых зубов, похожих на лошадиные. Пальцы на руках непропорционально крупные, вытянутые, с длинными звериными когтями.

– Мутация? – Кобзарь подкатил тележку с инструментами.

– А что, есть какие-то иные предположения? – Ямпольский включил электрооборудование.

– Ну, может, это вообще инопланетянин? – предположила молоденькая девушка-лаборантка.

– Знаете, Вика, на инопланетянина он как-то не очень похож. Ну, если только пришелец из параллельного мира, – охотно поддержал беседу Волков.

– Скорее уж болотный упырь из славянских сказок. – Кобзарь уже фиксировал мертвое тело на столе для вскрытия.

– Вот мы сейчас и посмотрим. – Ямпольский настроил свет над столом и взял скальпель.

Через три часа профессор дал отмашку, и лаборантка выключила видеокамеру. Свет над столом погас, сотрудники устало сели рядом с Ямпольским.

– Ну, и какие будут мысли? – профессор пытливо взглянул на свою группу. – Высказывайтесь по младшинству. Волков?

Тот пожал плечами:

– Навскидку сложно сказать, но если брать в расчет результаты экспресс-анализов...

– Ну-ну, не тяни кота за сапоги, – поторопил Ямпольский.

– Я считаю, что это глубокая мутация. Но это невозможно в нынешних условиях. Для подобного видового изменения должно было бы пройти огромное количество времени.

– Я согласна с Димой, – вмешалась Шибина. – Это черт-те что такое! Невозможно такое быстрое превращение живого существа в подобное состояние в условиях Зоны!

– А вы все-таки уверены, что оно появилось тут, в Зоне? – язвительно хмыкнул Кобзарь. – И из кого же оно, позвольте спросить, мутировало? Ну, давайте, смелее!

– Из человека... – Волков пожал плечами. – Из кого же еще? Или вы тут, в Полесье, обезьян видели?

Ямпольский поднял руку, призывая к тишине.

– Степан, а ты что думаешь? Ты ведь лучше всех нас прочих разбираешься в данной теме. Хотелось бы услышать твое квалифицированное суждение.

Самый основательный из всех научных сотрудников Ямпольского Степан Вербицкий закончил набивать табаком трубку. Прикурил от спички, выпустил к потолку несколько колец сизого дыма.

– Полагаю, что данное существо – не космический пришелец. И не былинный представитель славянского фольклора. Это определенно мутант. И мутация его произошла очень быстро и бурно.

– И это вы, коллега, определили за трехчасовое вскрытие? – ревниво поинтересовался Кобзарь.

– Это только предварительное заключение. Основанное на полученных анализах. И да, на трех часах вскрытия. Уж позвольте мне делать такие заключения исходя из имеющихся данных.

– Ну что же, – Ямпольский вздохнул, – надеюсь, все вы понимаете, что подобный образчик у военных, скорее всего, далеко не первый. А стало быть, мы с вами почти ничего не знаем о том, чем на самом деле живет Зона отчуждения. Какие процессы в ней происходят. И какие прогнозы можно на этом основании делать.

– Зачем такая конспирация? – Виктория Шибина удивленно посмотрела на товарищей. – Нам что, не доверяют?

– Я думаю, они просто не хотят давать полевым научным группам всю полноту информации. Скорее всего, данные из лабораторий уходят в аналитический центр, и там уже моделируют обстановку в Зоне, – ответил ей Вербицкий, безмятежно попыхивая трубкой.

– Конспираторы-перестраховщики! – фыркнул Волков. – А мы из-за этого в своих исследованиях кругами ходим. Правая рука не знает, что левая делает.

– Я думаю, все гораздо сложнее. – Ямпольский покачал головой. – Там, наверху, идут какие-то политические игры. И информация о происходящем в Зоне является элементом одной из таких партий. Только игроки не понимают, что Зона отчуждения – не та сила, с которой можно выстраивать комбинации.

– Думаете, это все плохо кончится? – Вербицкий задумчиво покрутил в руках трубку.

– Определенно, с таким подходом ничего хорошего ждать не стоит. Но я вам больше скажу, по-человечески, морально, мы не вправе сидеть и ждать у моря погоды.

– А что нам делать? – Кобзарь развел руками. – До начальства все равно не достучаться, им наши измышления малоинтересны.

– Я думаю, друзья, что нам необходимо запастись фактами и с ними самостоятельно выходить на мировой уровень. Пока все не стало необратимым. –

Ямпольский сделал паузу. – Кое-кто из руководства будет в ярости. Для них мы станем предателями. И я полностью отдаю отчет последующим действиям в отношении себя и тех, кто будет со мной. Сейчас еще можно соскочить с этого поезда, выйти из-под удара. Поэтому, если кто-то хочет отказаться, я все пойму и без укора подпишу перевод на любую другую станцию.

Волков фыркнул:

– Валерий Семенович. Мы все – ученые. И прекрасно осознаем свой долг перед человечеством. Если нам суждено быть теми глашатаями, которые расскажут страшную правду, подвергнувшись гонениям и нападкам, значит, так тому и быть!

– Прозвучало довольно пафосно, – Кобазрь усмехнулся, – но верно по сути. Я тоже с вами, Валерий Семенович.

– И я! – Виктория Шибина встала. – Вы наш руководитель, человек, которому мы все безоговорочно доверяем. Мы видели вас в работе, вы делили с нами все трудности, и если вы решились на этот крестовый поход, что ж, мы пройдем его до конца.

– Ну а вы, коллега? – Ямпольский обратился к Вербицкому. – Вам, пожалуй, больше всех есть что терять. И все может кончиться отнюдь не осуждением, а кое-чем похуже.

– Вот именно, профессор. Если вы окажетесь правы в своей теории насчет Зоны, то все действительно кончится. Для всех. Это раз. А еще я не люблю, когда меня водят за нос, это два. – Вербицкий показал на тело мутанта. – Пока мы довольствуемся червяками да улитками, кому-то, оказывается, возят вот таких красавцев на вскрытие. Считайте, что это был вызов моему честолюбию.

– Хорошо. – Ямпольский удовлетворенно кивнул. – Значит, работать будем прежним составом. А теперь то, что касается предстоящих действий. Полагаю, нам следует выйти за условно безопасный периметр и совместными усилиями изучить ближайший район. Где бы мог обитать подобный образец фауны? Есть предположения, куда именно направиться?

– Есть. – Вербицкий кивнул. – На ногах мутанта имеются частицы флоры, которую он топтал еще при жизни. Фрагменты почвы, растений и листьев, коры деревьев. Если сложить все вместе, получится пространство обитания, ареал, характерный для конкретной местности. Это ведь только для непосвященного вся Зона отчуждения одинаковая.

– Тогда начинаем готовиться к небольшой экспедиции. Не забываем про основную работу. Все, что есть по текущему плану, должно быть выполнено. И так, чтобы комар носа не подточил.

– Эх, выходит, старая работа никуда не делась, но к ней еще и новая добавилась? – Кобзарь грустно улыбнулся. – Как бы спину не потянуть. «Бери ношу по себе, чтоб не падать при ходьбе».

– Что, Марк Витальевич, уже жалеете, что согласились на нашу авантюру? – поддел Волков старшего коллегу.

– Нет, это я так, ворчу по-стариковски, – махнул рукой Кобзарь.

– Да какой же вы старик, Марк Витальевич, – приснула Шибина. – Вам ведь еще и сорока пяти нет, недавно ваш день рождения отмечали.

– Эх, Вика, жизнь-то не по паспорту меряется, а по пройденному пути. А сколько я путей-дорог оставил позади, уж и не счесть. Так что, как подсказывает мне мой опыт, непростой будет наша доля. Ох, непростой.

* * *

Осенью темнеет быстро, и вскоре сумерки покрыли землю. На блокпосте включили свет. По всему его широкому периметру зажглись электрические лампы. Направленные наружу светильники не давали наблюдателю рассмотреть, что происходит внутри самого поста, зато прекрасно высвечивали пространство поблизости.

Птица разочарованно оторвался от оптики. Что и говорить, служивые старались не делать ошибок. Включился огромный прожектор. Его нестерпимо белый луч стал щупать «дырявое» минное поле, равномерно шагая полосой света по

стеблям травы и чахлым кустарникам.

В пансионат Сергей вернулся к ночи. Администраторша окинула его неодобрительным взглядом, хлопнула стойкой и пошла к входным дверям. Закрыла их за припозднившимся постояльцем и сухо отчеканила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/solov-ev_igor/perekrestki-sud-by-vremya-polyni

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)